

Белая роза

Автор:

Огюст Маке

Белая роза

Огюст Маке

Средневековую Англию сотрясает война двух роз: Алой –Ланкастеров и Белой –Йорков. Сыновья Эдуарда IV Йорка убиты их дядей, Ричардом III. Однако убийцу ждет возмездие. Появляется новый претендент на английский престол – Тюдор–который в итоге и становится королем под именем Генриха VII. Йорки жаждут реванша, и спустя несколько лет появляется новый претендент на английский престол, выдающий себя за Ричарда Йоркского, младшего сына Эдуарда IV. Судьба реальной исторической фигуры, Перкина Уорбека, представлена в романе, как борьба за власть законного наследника престола. В результате получилась захватывающая романтическая история.Имя автора романа, Огюста Маке, неразрывно связано с именем великого Александра Дюма. Результатом их творческого союза стали такие романы, как «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо», «Королева Марго» и другие. Маке судился с Дюма за признание его соавтором, но проиграл все суды. Однако вопрос об авторстве Маке и поныне остается одной из загадок в истории литературы.

Огюст Маке

Белая роза

Кто вы, господин Огюст Маке?

В 1835 году Огюст Маке, преподаватель истории Парижского университета, подал в отставку. Такого шага от талантливого 22-летнего доктора наук никто не ожидал. Все прочили молодому человеку блестящую научную и педагогическую карьеру. Но Огюст предпочел покинуть теплое местечко и уйти на вольные хлеба, чтобы заняться литературным творчеством.

На недоуменные вопросы о причинах его поступка Маке неизменно отвечал: «Я хочу получить от литературы то, чего мне не может дать университет – славу и деньги».

Желание молодого историка добиться успеха на литературном поприще строилось не на пустом месте. Дело в том, что в 20-е годы XIX века во Франции начали печатать переводы произведений Вальтер Скотта, после чего в стране возник небывалый интерес к историческим романам. Реальные события прошлого, сдобренные невероятными приключениями и любовными интригами, привлекли внимание самых известных писателей. Авантюрные и любовные романы с исторической подоплекой пользовались оглушительным успехом у читающей публики. Маке был уверен, что он, профессиональный историк, имеющий опыт работы в архивах и обладающий завидной трудоспособностью, сумеет удивить мир невиданными историческими романами и оставит в литературе глубокий след. Он извлечет из архивной пыли головокружительные сюжеты, соберет сведения об участниках исторических событий, и из этого материала получатся блестящие произведения, которые затмят все, что было написано до него. Ведь главное – найти правильный исторический материал, а облечь его в литературную форму он как-нибудь сумеет. Недаром его связывает тесная дружба с самим Теофилом Готье и Нервалем.

Прошло три года. Маке упорно трудился, публиковал стихи и новеллы, и, наконец, были готовы первая пьеса и первый роман. Но в театре пьесу к постановке не приняли, а издатель отказался публиковать роман. Казалось бы, тупик. Однако благосклонная судьба уже приготовила для Огюста счастливый билет.

В 1838 году известный поэт и прозаик Жерар де Нерваль познакомил своего друга Огюста Маке с самим Александром Дюма.

В то время Дюма уже был автором популярных романов, пьес, путевых заметок и имел репутацию мэтра и непререкаемого авторитета. По просьбе Нерваля он ознакомился с романом Маке, одобрил его и даже выразил готовность переработать неудачные места, а затем вновь предложить роман для публикации. Издателю переработанный роман понравился. Он согласился его напечатать, но с одним условием: Маке не должен фигурировать даже в качестве соавтора. На обложке будет указано лишь одно имя – Александра Дюма.

Может показаться странным, но Маке согласился. К тому времени он уже хорошо понимал, сколь долог и тернист путь молодого литератора к славе и деньгам. На путь славы он еще даже не ступил, зато сможет получить деньги за публикацию своего романа, хоть и под чужим именем. И деньги немалые, ведь имя Дюма стоило дорого.

– Подумайте, – сказал издатель. – За роман, подписанный Дюма, я плачу 3 франка за строчку. А вам я не готов дать больше 30 сантимов.

В итоге роман был опубликован под именем Дюма, деньги компаньоны честно поделили, а в жизни Маке начался новый исключительно плодотворный этап: он стал сотрудничать с самим Александром Дюма. Конечно, о славе на неопределенное время пришлось забыть, зато вторая цель – деньги – стала гораздо ближе.

Дюма, обладавший потрясающим чутьем на все, что может оказаться полезным в писательской работе, мгновенно понял, какой подарок преподнесла ему судьба. Она свела его с очень ценным сотрудником, профессиональным историком и добросовестным тружеником, хорошо понимающим, что от него требуется. Они быстро договорились об основах сотрудничества: Маке ищет в архивах интересные факты, которые можно положить в основу исторических романов, а Дюма превращает добытые материалы в блестящие литературные произведения. Заработанные деньги компаньоны делят «по справедливости». Авторство всех совместно созданных произведений принадлежит Дюма.

Сотрудничество Дюма и Маке продолжалось без малого 13 лет. За эти годы были написаны самые знаменитые, самые блестящие, самые... в общем, те самые романы, которые неотделимы в нашем сознании (и подсознании) от имени Александра Дюма: трилогия о трех мушкетерах, трилогия о Генрихе Наваррском

(включая романы «Королева Марго», «Графиня де Монсоро», «Сорок пять»), «Граф Монте-Кристо», циклы «Время Регентства», «Записки врача» и еще десятки романов. Работа кипела, отношения между компаньонами складывались как нельзя лучше, Дюма щедро платил Маке за его труды, Маке богател. Правда шипели завистники и «доброжелатели». Некоторые даже утверждали, что Маке – это обычный поставщик на «фабрику романов» Дюма, только поставляет он не бумагу и не гусиные перья, а сюжеты. Но что с них, завистников, возьмешь?

Однако в 1851 году идиллия закончилась. Союз не просто распался, а лопнул с оглушительным треском, и дело кончилось судом. Внешне все выглядело так, словно взбунтовался «литературный раб». Маке подал иск о признании его автором 18 романов. Их автором всегда считался Александр Дюма. Но Маке утверждал, что он лично обнаружил в архивах необходимые материалы и разработал сюжеты «Трех мушкетеров», двух других романов трилогии, а также сюжеты «Графа Монте-Кристо», «Королевы Марго» и многих других романов. Причем не только создал сюжеты, но и активно участвовал в написании текстов.

Интересно, что Дюма в принципе не отрицал участие Маке в создании его произведений. В одном из своих выступлений он даже указал точное количество совместно созданных работ – 42 романа. Но официально признать Маке автором или соавтором Дюма отказался категорически и легко доказал свою правоту. Он просто представил суду письмо, написанное Маке, в котором тот отказывался от притязаний на авторство. После этого Дюма, разумеется, выиграл суд.

Что же произошло? Почему Маке своими руками разрушил плодотворный союз? Неужели он, разбогатев, наконец, вспомнил о славе? Кто в действительности является автором романов, которые считаются «визитной карточкой» Дюма?

Разберемся по порядку.

Начнем с авторства. Участие Маке в подготовке текстов романов Дюма давно обросло множеством противоречивых свидетельств и анекдотов. Но существенны, как представляется, следующие обстоятельства. Никто и никогда не ставил под сомнение гигантский талант Дюма и его способность создавать гениальные творения или придавать блеск любому повороту сюжета, репликам и т. п. Но все же доказано, что, например, сюжет «Трех мушкетеров» и имена героев обнаружил в архиве именно Маке. Кроме того, за годы сотрудничества Маке отлично перенял стиль и лексику Дюма. Известен, в частности, такой случай. Однажды в газете, печатающей роман Дюма, возникла проблема со

своевременной сдачей в набор очередной главы из-за того, что потеряли текст, написанный самим Дюма. Маке жил неподалеку от редакции газеты и его упростили прервать домашний обед, срочно приехать и на месте написать новый текст. Просьба была выполнена. После выхода газеты нашли утерянную рукопись и решили сравнить оба текста. В каждом было примерно 500 строк, и оказалось, что различались они не более чем на 30 слов.

И еще одно обстоятельство, которое касается способа публикации новых романов. В те годы романы, выходившие из-под пера авторов, печатались отдельными фрагментами из номера в номер. Это были так называемые романы с продолжением или романы-фельетоны, которые приобрели невероятную популярность. Благодаря этой литературной форме тиражи газет выросли до небес, самые знаменитые писатели того времени (Гюго, Бальзак, Санд, Сю, Габорио, Феваль...) создавали свои лучшие произведения для публикации в виде фельетонов, а французская публика стала самой читающей публикой в мире. В виде книги роман издавался уже потом, после публикации в газете. Книга получалась путем соединения ранее напечатанных глав, которые зачастую писались прямо к очередному номеру газеты и их «с пылу – с жару» сразу несли в набор. Газета есть газета, несвоевременная сдача материала тут в принципе невозможна, и соратники, Дюма и Маке, трудились рука об руку, понимая, что материал любой ценой должен быть своевременно сдан в печать. Понятно, что при такой организации «творческого процесса» авторство отдельных глав, абзацев, фраз навсегда останется тайной.

Тогда почему же Маке сначала письменно отказался от притязаний на авторство романов, но потом вдруг взялся отстаивать свое право в суде?

Вот это совсем другая история!

Как оказалось, отнюдь не стремление восстановить справедливость и обрести заслуженную славу привело Огюста Маке в Парижский суд. Его мотивы были более прозаическими и объяснялись опасением потерять деньги, к которым Маке относился с большим пиететом.

Дело в том, что финансовое положение Дюма к этому времени было катастрофическим. Он разорился и был объявлен банкротом. Великого писателя и невероятно темпераментного человека, обожавшего путешествия, женщин, друзей и вообще красивую жизнь, и по этой причине пустившего на ветер громадные деньги, осаждали кредиторы. Маке, которому Дюма задолжал 145

тысяч франков за опубликованные романы, опасался, что его причислят к прочим кредиторам, и тогда он рискует получить по решению суда не более 25 % от причитающихся ему денег. Зато как соавтор, он гарантированно получил бы все сполна. Но не тут-то было. Дюма бережно сохранил полученную от Маке расписку.

Почему же Маке отказался от притязаний на авторство? Думается, ответ прост: по дружбе. Дюма попросил Маке написать отказ от авторства в тот момент, когда в обществе и в прессе невероятно усилились нападки на писателя. Газеты печатали статьи о «фабрике романов» Дюма, о том, что он использует труд «литературных рабов», вот Дюма и выбрал простейший способ защиты. И, в конечном счете, оказался прав.

Но справедливости ради надо сказать, что все свои финансовые обязательства перед Маке Дюма, в конечном счете, выполнил полностью, и их разрыв не был омрачен тяжбами из-за денег. Если не знать истинной подоплеки, то может показаться, что в суде они делили славу – славу авторства самых «дюмастых» романов. А оказалось, что это не так. Получается, что, если бы не риск потерять деньги, Маке так и не стал бы бороться за славу, хотя имел огромные шансы на успех. Сложись все по-другому, и мы бы считали, что «Трех мушкетеров» человечеству подарили два автора: Дюма и Маке. А ведь для Огюста это был бы верный путь к Пантеону!

После разрыва каждый продолжал работать самостоятельно. Маке до своей кончины в 1888 году написал полтора десятка романов и десяток пьес. Дюма умер в 1870 году. Он бедствовал, но успел еще написать множество произведений, причем последним из них, венчающим его титанический литературный труд, стал Большой кулинарный словарь, который высоко ценится понимающими людьми.

Справедливо ли, что за одним лишь Дюма осталось авторство романов, написанных совместно с Маке? Полагаю, история дала окончательный ответ на этот вопрос. В конце концов, Маке был в одном шаге от бессмертной славы, но должным образом не боролся за нее. Выбрал деньги. Каждому свое.

Денег Маке, действительно, заработал немало: Дюма хорошо ему платил. Маке даже приобрел старинный замок, в котором счастливо прожил остаток дней. Карьера Огюста Маке развивалась весьма успешно. Он долгие годы возглавлял Общество авторов драматических произведений, стал кавалером ордена

Почетного легиона и даже был кандидатом в члены Французской академии.

Таким образом, одна из двух целей, которые ставил перед собой Огюст Маке, покидая в 1835 году Парижский университет, была достигнута. Он разбогател и очень этим гордился. Особенно Маке гордился своим старинным замком и любил повторять, что деньги на него он заработал собственным пером.

Александр Дюма в последние годы выживал лишь благодаря поддержке сына. После смерти великого писателя был поставлен вопрос о захоронении его останков в Пантеоне, но нашлись влиятельные люди, решившие, что в национальной усыпальнице нет места для сына мулата. Захоронили прах Дюма в Пантеоне лишь в 2002 году. В Париже именем Дюма назвали улицу и станцию метро и поставили на площади генерала Катру? потрясающий памятник. Охраняет памятник Александру Дюма лично шевалье д'Артаньян. Он лучше других знает, кто в действительности был автором «Трех мушкетеров».

Не забыла родина и Огюста Маке. Он похоронен на престижном кладбище Пер-Лашез, и его именем назвали скромную улицу длиной всего 112 метров в респектабельном 16-м округе Парижа.

Невозможно, да и ненужно, сравнивать талант Огюста Маке с гением великого Дюма. Но нельзя и не признать бесспорный вклад Маке в создание лучших романов классика. Собственные произведения Маке практически неизвестны современному читателю. Это может показаться странным: ведь человеку читающему (*homo legens*) интересно узнать, на что был способен писатель, открывший для мира д'Артаньяна, Атоса, Портоса и Арамиса. И вот теперь это недоразумение исправлено. Вашему вниманию, уважаемые читатели, предлагается перевод одного из романов Огюста Маке. Сказать по правде, он гораздо лучше остальных его романов. Более того, этот роман просто великолепен. Если бы на обложке в качестве автора был указан Александр Дюма, то читатели наверняка восприняли бы это, как должное. Надеюсь, и вам, уважаемые читатели, этот роман тоже понравится.

Леонид Мерзон, переводчик

События, о которых пойдет речь, произошли в последние годы XV века. Начались они теплым июньским вечером, когда группа странников с лошадьми, мулами и повозками шла караваном по узкому ущелью в Альпах. Маршрут каравана проходил по самым труднодоступным тропам, ведущим через горные кручи в долину Роны.

Горная тропа то ныряла вниз, то забиралась вверх, протискиваясь между высокими отвесными гранитными склонами, а когда она наконец начала выравниваться и плавно уходить в сторону, случилось непредвиденное: прямо перед караваном, на расстоянии от силы в триста шагов, сошла лавина и перекрыла дорогу. Сначала путешественники услышали ужасный грохот, как будто захлопнулась гигантская западня. А вскоре обнаружилось, что на тропе выросла целая гора из обломков льда и камней, и дальнейшее продвижение стало невозможным.

Участников каравана было в общей сложности около двадцати человек. Все они были выходцами из разных стран и поначалу путешествовали тремя самостоятельными компаниями. Но перед тем, как отправиться в горы, старшины компаний договорились на время горного перехода объединиться в один караван и идти вместе, полагая, что сообща в этом тяжком испытании им будет легче противостоять волкам, камнепадам, бандитам и всяческим напастям.

Оказавшись перед непреодолимой преградой, путешественники разразились жалобными восклицаниями. И действительно, им было от чего впасть в отчаяние. Ведь тяжкий путь близился к завершению, впереди виднелся чистый голубой горизонт, уже можно было разглядеть позолоченные солнцем вершины холмов в долине и даже дымок, вьющийся над жильем в сумерках наступающего вечера. И пока самые отчаянные из путников отводили душу, посылая небу проклятья, наиболее мудрые стали советоваться и решать, как действовать дальше. Кто-то предложил вернуться к месту последнего ночлега. Но спрашивается, зачем совершать в сумерках опасный восьмичасовой переход, зная, что завтра опять придется пройти тем же маршрутом? Идея возвращения была единодушно отвергнута. Несколько молодых людей предложили прямо на этом самом месте встать лагерем и переждать до утра. В итоге решили, что пока светло, надо заготовить хворост, а для этого попытаться по расщелинам

взобраться вверх по скале и нарубить там смолистые еловые ветки и кусты альпийского шиповника. Вскоре удалось запастись хворостом для костра. К тому времени самые большие храбрецы обследовали завал и убедились, что обогнуть его невозможно ни с какой стороны. Положение было безвыходное, и каждый путник принялся устраивать себе из мха и лишайника ложе для ночлега, стараясь расположить его либо в укромном уголке под уступом скалы, либо поближе к костру. Кое-кто уже начал прикладываться к бурдюкам с вином, а старшины каравана тем временем приказали распрячь или разгрузить вьючных животных и выставить со свободной стороны дороги двух часовых, вооруженных арбалетами и длинными ножами, чтобы уберечь караван от возможных ночных неожиданностей.

Для странников, вынужденных из-за непредвиденных обстоятельств сделать остановку в пути, возможны только два варианта достойного времяпрепровождения: сон или беседа. Вскоре несколько любителей поспать уже исчезли из виду, будто растворились в сумерках. Но большинство путников расположились поближе к свету и теплу разгоревшегося костра, из которого уже вырывались сполохи красного огня и облака пахучего дыма. Поначалу беседа не клеилась и касалась самых обыденных вещей, но постепенно разговоры становились все живее и интереснее, и собеседники перешли к обсуждению политических событий, тревожащих в те годы жителей всех стран Европы.

Что за времена настали! Что же такое творится на этом свете! Уж что-что, а недавние события давали обильную пищу для обсуждений. Ведь подходил к концу пятнадцатый век, и был он ужасен. Казалось, что не только кровь льется потоками, но даже солнце заливает землю кровавыми лучами. Начало века было отмечено резней, учиненной Тамерланом, и массовым уничтожением гуситов. А потом бургиньоны устроили в Париже резню арманьяков. Франция испытала кровавое нашествие англичан в Столетней войне, в которой борьбу за освобождения страны возглавила Жанна д'Арк. На Востоке пал Константинополь, а в Германии в это же время свои первые опыты проводил Гуттенберг. Везде лилась кровь, но одновременно налицо был приток новых идей: появились артиллерия и печатное дело, распространились новые виды оружия.

Собеседники вспомнили борьбу, развернувшуюся между Людовиком XI и Карлом Смелым. Помянули сопровождавшие ее эшафоты, виселицы и поля кровавых битв. Оказалось, что у всех еще свежи в памяти кровавые битвы при Грансоне,

Муртене и Нанси. Не забыли собеседники и труп герцога Бургундского, найденный какой-то прачкой в замерзшем пруду. Обсудили свирепствовавшее в Италии семейство Борджиа, папу Александра VI Борджиа, который выкупил свою тиару у французского короля и тут же выдал ему несчастного Джем-султана. Поговорили о Карле VIII, который покорила Бретань и Милан, а потом потерял их. И наконец перешли к событиям в Англии. Вспомнили несчастья, свалившиеся на головы Йорка и Ланкастера, и этого ужасного Ричарда III, вырезавшего одного за другим всех членов королевской семьи. После этих зверств трон захватил Генрих VII Ланкастер, который ранее был объявлен вне закона и изгнан из страны. Таковы были темы беседы, и каждую из них навеяли события уходящего пятнадцатого века.

Участники беседы все больше распалялись, причем каждый волновался в меру своего ума или в зависимости от национальной принадлежности. Между тем небольшая группа странников незаметно от всех укрылась под скалой в естественной нише, вход в которую скрывали свисающие рододендроны и цветущий ракитник. Их было трое. Один был совсем седой и ходил в мерзкой одежде, какую носят немецкие евреи, которых в описываемые времена все еще подвергали гонениям. Его товарищ был человек мощного телосложения, широкоплечий, с грубым лицом. Он походил на ушедшего с военной службы лучника и выполнял обязанности сторожевого пса при двух своих подопечных. Третьего странника разглядеть было невозможно, так как его хрупкое тело было укутано плащом, а сам он помещался на ложе, сооруженном его товарищами из кучи опавшей листвы.

Двум компаньонам показалось, что их третий товарищ уже уснул, и они, растянувшись по обе стороны от него, тоже решили поспать.

Тем временем разговор у костра становился все более захватывающим. Швейцарцы (а их было двое в караване) с удовольствием рассказывали о подвигах своих воинов. Оба они участвовали в битве при Муртене и увлеченно рассказывали о самых известных схватках. Какой-то француз описал въезд Карла VIII в Рим и то, как гордо держался король-победитель, как он красовался на коне в шлеме с опущенным забралом и с пикой наготове у бедра. Но самый большой интерес вызвал рассказ одного торговца шерстью, возвращавшегося из Уэльса. Он тоже рассказывал о разных битвах и описал резню, учиненную на Босвортском поле, где король Ричард III расстался с короной, а заодно и с жизнью. Торговец поведал, как он оказался на этом поле и в полном смятении глядел на землю, еще теплую от пролитой крови. Потом на причудливой смеси

фламандского и французского языков он описал лицо тирана, его изуродованное плечо и руку, похожую на руку скелета. Эта рука была столь же смертоносна в бою, сколь смертоносны были мысли, высказанные, королем на военных советах. По мере того, как торговец набрасывал портрет короля-убийцы, добавляя к нему все новые штрихи, слушателей охватывала дрожь. Вопросы сыпались один за другим, и почти каждый из сидевших вокруг костра уже был охвачен суеверным ужасом и норовил подтолкнуть ногой в костер побольше нарубленных веток, чтобы веселей разгорелся огонь и развеялся сумрак, в котором, не приведи Господь, может скрываться тень тирана, не находящая приюта даже в аду.

Пока торговец, трепеща от еще свежих воспоминаний, рассказывал о царствовании Ричарда III, а каждый из присутствующих добавлял к его рассказу то одно, то другое упоминание о совершенных королем преступлениях, огонь пылающего костра осветил скалу, под которой спали три вышеупомянутых путника. Если бы собеседники не были так сильно поглощены разговором, то они могли бы заметить, как медленно развернулся плащ самого молодого из спящих компаньонов, и из тени показалось бледное лицо, вдруг попавшее в прямоугольник яркого света, который, будто нарочно, ореолом лег на светловолосую голову.

Лицо молодого человека носило отпечаток ума и доброты, а выражение голубых глаз свидетельствовало о его крайнем изнеможении. Породистые черты указывали на принадлежность юноши к нордической расе, которая отличается не столько мощью, сколько изысканностью. Рисунок рта свидетельствовал о его сдержанности, но не природной, а приобретенной в результате воспитания, на это же указывали алые слегка округлые губы. А еще на лице семнадцатилетнего юноши явственно проступал отпечаток мыслей и страданий. Все это внезапно высветила вспышка огня, случайно метнувшаяся от костра в сторону скалы.

Молодой человек, убедившись, что его компаньоны крепко спят, приподнялся, опираясь на локоть, устремил свой взор на собеседников и стал внимательно прислушиваться к их разговору.

Казалось, что не уши и не глаза, а сама душа его жадно ловит слова собеседников. Сила, ум и тяготы прожитой жизни вдруг проступили в его глазах, которые постепенно загорались, как загораются окна вновь заселенного дома, давно покинутого людьми. Казалось, что он впитывает через чуть приоткрытые губы все услышанные слова, и каждое слово по капле вливает кровь в его артерии и пробуждает какие-то новые воспоминания в мозгу. Все это походило

на действие электрического разряда. Ведь известно, что такой разряд может оживить даже остывшее и посиневшее мертвое тело, потому что мощь электричества намного превышает обычные силы природы.

Молодой человек медленно, напрягая последние силы, подполз на коленях к костру, не чувствуя ни идущей от земли сырости, ни впивающихся в ноги острых камней.

Речь в тот момент зашла о самом отвратительном преступлении Ричарда III, которое и навлекло на него кару небесную, а именно о подлом убийстве в Лондонском Тауэре двух принцев, его племянников.

Рассказчик в наивных выражениях поведал собравшимся о красоте этих детей, их невинности, дружбе. Он описал леденящий ужас, который охватил детей, сидевших в запертом помещении, когда в него внезапно проник свет красной, как кровь, луны, и послышались тяжелые шаги убийц. Он рассказал, как страшно вонзались ножи в крохотные нежные тела, и как невыносимы были душераздирающие крики жертв, которых душили палачи.

Внезапно молодой человек, который к тому времени уже полностью поднялся на ноги и стоял с каким-то диким выражением на искаженном мукой лице, замахал руками и испустил ужасающий крик, эхо от которого еще долго отражалось от стен горных ущелий. Затем он, бормоча какие-то никому не понятные слова, упал без чувств, прямо посреди сидящих у костра перепуганных людей, которые тут же бросились его поднимать.

II

Крик молодого человека и последовавшая за ним суматоха разбудили всех спящих. Они сразу вскочили на ноги, полагая, что произошло какое-то чрезвычайное событие. Мгновенно прибежали оба его товарища, и было видно, что они страшно взволнованы. Старший из них, одетый в поношенный кафтан и нищенский плащ, поднял бесчувственное тело и несколько раз с отчаянием повторил:

– Бедный молодой хозяин... Что вы ему такое сказали?

С помощью своего более молодого компаньона, который, расталкивая любопытных, расчищал ему путь, он перенес больного на ложе из опавшей листвы, освежил ему лоб растопленным снегом и начал хлопотать над ним словно отец, ухаживающий за сыном.

После случившегося разговоры у костра прекратились. Громко произнесенные слова «Что вы ему такое сказали?» удивили и взволновали многих участников беседы. Первым, кто воспротивился столь странному обвинению, оказался торговец шерстью. Он со строгим, но доброжелательным видом приблизился к этой необычной троице.

– Чем болен этот молодой человек? – спросил он у обоих опекунов.

– Мой господин, – отвечал старший из них, – надо быть весьма ученым человеком, чтобы ответить на ваш вопрос.

– Это ваш хозяин?

– Да, господин. А вы, случаем, не врач?

– Я торговец шерстью, но я много повидал за свою жизнь раненых и больных. Я всегда беру с собой в путешествия один арабский бальзам, действенность которого я готов гарантировать.

– Нет такого бальзама, который способен излечить этого молодого человека, – ответил старый служитель, явно желая поскорее покончить с разговором, но стараясь при этом скрыть свое нетерпение. Очень уж его беспокоило то внимание, которое весь караван обращал на их большие дорожные сумки, а также на их восьмерых лакеев и два десятка мулов.

– Еще у меня имеется алепский эликсир, – не унимался торговец, демонстрируя готовность услужить. – Попробуйте его. До чего же бледен этот ваш молодой человек.

– Да, он и вправду очень бледный, – бормотали некоторые путешественники, подойдя поближе.

Старый служитель почувствовал, что наступил момент, когда необходимо что-нибудь сказать в ответ и удовлетворить тем самым всеобщее любопытство.

– Боже мой, господа, – обратился он к попутчикам, – если бы эта хворь напала вчера, мы с удовольствием приняли бы ваши предложения и заботы. Ведь у нас самих давно уже нет сил смотреть на страдания нашего хозяина. Этот молодой человек не доживет до старости. В детстве он упал с высоты и разбил себе голову. Посмотрите, вот какой шрам остался. После этого в течение двух лет он находился между жизнью и смертью, а когда пришел в себя, то стал словно сумасшедший. Сознание к нему вернулось, но не полностью, и все, что он делает и говорит, остается немного странным, так что он даже смахивает на слабоумного. Бедное дитя! Но я хочу успеть довести хозяина живым до его матери, которая ждет не дождется своего ребенка и уже много лет оплакивает его.

– Как же это случилось? – спросил торговец, не пытаясь скрыть, что его весьма заинтересовала эта история.

– Эй! – внезапно отозвался другой опекун молодого человека, – это уже наши семейные дела, господин мой!

– Ох, извините меня, – спохватился торговец и косо взглянул на здоровяка.

– Жан, – вмешался старый опекун, обращаясь к своему компаньону, – тут нет никакого секрета, и эти почтенные странники имеют такое же, как и мы, право знать, что на самом деле произошло. Господа, правда заключается в том, что отец этого молодого человека, крупный торговец из Фландрии, четыре года тому назад взял его с собой в путешествие. Один Бог знает, сколько стран им довелось проехать. И за все это время в стране, где проживает его мать, от них не было получено ни одной весточки. А я, господа, являюсь одним из коммивояжеров этого торговца, и три месяца тому назад я получил письмо, в котором хозяин приказывал мне прибыть в Константинополь, где он подхватил какую-то странную лихорадку. Когда я явился, бедный хозяин уже умирал. Он поручил мне заботиться о его сыне, рассказал об особенностях его заболевания, вручил мне завещание и приказал сопроводить молодого человека к его матери.

И вот сейчас мы в пути, и вы теперь знаете обо всем столько же, сколько и я, Зэбе, ваш покорный слуга.

Произнеся эту речь, старик решил, что он удовлетворил любопытство собравшихся, но торговец оказался настырным и никак не отставал от него.

– Ну тогда не надо нас больше обвинять, как вы это сделали только что.

– Да разве я вас обвиняю, господа! – воскликнул Зэбе со смирением, которое еще больше подчеркивало его еврейское происхождение, – разве я хоть кого-то из вас обвинил?

– Вы же оба тут кричали: «Что такое ему сказали?» А мы вообще ничего не говорили этому молодому человеку. Мы даже не знали, что он слышит нас. Что же касается того, о чем мы говорили между собой, то говорили мы о пристойных и разрешенных вещах, можете мне поверить.

– Эх, господа, да кто же в этом сомневается? Но поймите и вы причины нашего испуга: ведь этот юноша, как только услышит что-нибудь, так сразу норовит вздыбиться, словно жеребенок, на которого нашло помрачение. И все-таки, простите мое любопытство, о чем вы говорили?

– О многих разных вещах... о жестокости тирана Ричарда III, ну и... скажем так... о его зарезанных племянниках.

– Вот-вот, – воскликнул Зэбе, – с тех пор, как он получил свою рану, стоит ему услышать о раненых детях, как он тут же приходит в страшное волнение. Вы только подумайте, ведь у этого несчастного практически нет никаких собственных мыслей. Он на лету хватается любое чужое слово. Память у него, то ли вовсе отсутствует, то ли находится в таком жалком состоянии, что он не может сказать, где он родился и куда идет. О своем бедном покойном отце он говорит с таким безразличием, словно тот для него чужой человек. И еще он на полном серьезе утверждает, что не знаком со своей матерью. Одним словом, создается впечатление, что внутри у него поселился демон, из-за которого раздвоилась его личность, и как только он открывает рот, так нам сразу приходится следить за ним, как за малым дитем, и затыкать ему рот, едва только демон начинает беситься.

– Но мне не кажется, – заметил один из присутствующих, – что его помешательство сколько-нибудь буйное. Ведь со вчерашнего дня, когда мы повстречали вас на той стороне горы, этот молодой человек ни разу не выказал ни гнева, ни нетерпения. А посмотрите, каков он в седле! Всегда внимательный, спокойный, молчаливый. А уж как он хорош собой! Мы поначалу и не сомневались, что это какой-то важный господин.

– Почему бы и нет, – заявил торговец шерстью, – кто же еще так похож на важного господина, как не богатый негодьянт? А как зовут вашего господина, дружище Зэбе? – добавил он. – Я знаком со всеми крупными торговцами в Европе.

Зэбе уже собирался ответить ему и завершить таким образом эту беседу, как вдруг послышался громкий окрик часовых, переполошивший весь караван. Каждый схватил аркебузу или пику, потому что от часовых поступил сигнал о приближении довольно многочисленного отряда, а в такой ситуации всем необходимо быть начеку.

Зэбе остался охранять молодого человека. Он никак не походил на серьезного вояку. Зато Жан, его коренастый компаньон, с воинственным видом выхватил огромный тесак и устремился вперед, намереваясь разобраться с незваными пришельцами.

Появившиеся всадники были лишь разведчиками, передовым отрядом основных сил, но они так ловко сидели в седлах, обладали столь впечатляющей военной выправкой и были оснащены таким великолепным оружием и доспехами, что все воинство каравана едва ли выдержало бы даже первую атаку этого неприятельского авангарда.

Один всадник, снаряженный скорее для боевых действий, чем для путешествий, и, судя по всему, командовавший этим отрядом, выехал вперед и тоном, исполненным презрения, обратился к часовым с коротким вызывающим вопросом.

– Кто такие? – произнес он по-французски, – почему стоите на месте?

Часовые, будучи швейцарцами и большими упрямыми, в ответ лишь опустили пики и что-то невнятно пробурчали по-немецки.

– Ага!.. швейцарские собаки, – пробормотал всадник, – так это засада... Бог свидетель, сейчас вы увидите, что тут вам не Муртен...

Он уже повернулся к своим солдатам, собираясь приказать, чтобы те расчистили дорогу, когда торговец шерстью, который находился неподалеку и все слышал, бросился вперед, размахивая веткой, которая, правда, была не оливковой, а еловой.

– О, господин кавалер, – самым жалостливым тоном воскликнул он по-французски, – погодите немного!.. Разве вы не видите, что эти достойные сыны Гельвеции не понимают ваш язык?

Вооруженный всадник, услышав его, остановился.

– Мне все равно, чьи они сыны, Гельвеции или самого дьявола, – ответил он. – Но тому, кто решит изъясняться с помощью пики, мы быстро все объясним, и он убедится, что мы и сами неплохо владеем этим диалектом. Посторонитесь, добрый человек, и дайте нам пройти по их животам.

– Но, господин, ведь вас не пропускают в ваших же интересах!

– Как это так?

– Дорога перерезана лавиной. Из-за этого мы и сами застряли здесь. Вот я англичанин, а вовсе не швейцарец. Я говорю по-французски, в первую очередь потому, что люблю этот красивый язык, ну и отчасти потому, что он необходим для моей коммерции. Но я также говорю по-немецки, и, если вы позволите, я растолкую этим господам из Берна, все, что вы прикажете им сообщить.

– Пусть дадут дорогу и все тут, – сказал всадник, – а мы уж сами разберемся, какие тут строят козни и подвохи.

– Вы мне не верите? – язвительным тоном перебил его торговец. – И кому? Мне, человеку, который стремится все решить миром!.. Ну так поступайте, как знаете... Вот и пытайтесь после этого всех примирить... Но имейте в виду, что я английский подданный, и если со мной случится какая-нибудь неприятность, то моя страна покажет, что она достаточно богата, чтобы сполна расплатиться за

меня, и достаточно сильна, чтобы за меня отомстить. Поступайте, как хотите!

Произнеся эти слова, торговец скрестил руки на груди и застыл в величественной позе. Но краем глаза он продолжал следить за военным и с удовлетворением обнаружил, что тот заколебался.

Швейцарцы по-прежнему стояли, словно вбитые в землю сваи, к которым приделали пики, и продолжали упорно демонстрировать свою незыблемость и враждебность. А в это время сгрудившиеся у них за спиной участники каравана пытались успокоить обоих молодцов и потихоньку твердили, что из-за их избыточного усердия может произойти всеобщая резня. Некоторые, правда, зачем-то кричали во всю глотку, что швейцарцы ребята достойные, безобидные и порядочные.

– Ну, ладно, – сказал всадник, – а что означают эти зловещие огни, красные отсветы которых мы видели на скале?

Торговец ответил:

– Это костер, рядом с которым мы пытаемся пережить эту ночь. Ведь сейчас прохладно, или вы не ощущаете холода под вашей стальной броней?

– Подойдите, господин кавалер, подойдите и сами убедитесь, – прозвучали со всех сторон голоса.

– Ну, Бог с ним, с огнем, – продолжил военный, – но пусть мне объяснят, кто испустил этот жуткий крик, который мы услышали, когда подъезжали к горному ущелью? Не был ли это крик какого-нибудь путешественника, которого вы схватили, ограбили и придушили? О, только не надо делать такие лица, господа хорошие! Так громко кричать могут только те, на кого напали разбойники. И кто бы вы ни были, швейцарцы или кто-то еще, но многие лица мне тут не нравятся, – добавил военный, и в его заносчивых словах явно почувствовалась застарелая обида истинного бургундца, причем бургундца, на стороне которого сейчас была сила.

Торговец решил, что не стоит переводить жителям Берна то, что было произнесено на хорошем французском языке. Да они и сами, похоже, поняли, что сказал всадник, а, возможно, и догадались, услышав его интонацию и то, как

грозно звенел он своими доспехами. И хотя они продолжали ворчать, словно швейцарские медведи, но, разглядев направленные на них двадцать вражеских аркебуз и десяток пик, швейцарцы решили проявить осторожность и, подчинившись настойчивым просьбам товарищей по каравану, молча, отошли в сторону.

– Но мне так ничего и не ответили по поводу услышанного нами отчаянного крика, – заявил военный, за спиной которого тем временем постепенно собралась большая группа всадников, выглядевших весьма внушительно. Оказалось, что возглавляет эту группу дама в дорогой одежде из бархата и куньего меха, восседающая на великолепной белоснежной кобыле породы андалузских иноходцев, в гриву которой были вплетены ленты огненного цвета.

– Бог ты мой, да что вы все толкуете об этом крике, – ответил торговец, решивший сам отвечать на все вопросы военного. – Дайте срок и вам все объяснят. Этот крик вовсе не означает, что кого-то зарезали. Его испустило самое невинное в мире создание, которое в настоящее время спит под открытым небом в окружении честных слуг, честных торговцев и...

– Хороши честные люди, заставляющие кричать невинное создание. Объясните все четко, ясно и быстро, – перебил его всадник, заметивший нетерпеливый жест у себя за спиной. Белая кобыла вздрогнула.

– Мой господин, – произнес в этот момент Зэбе, который вместе с остальными участниками каравана подошел к группе вооруженных людей, привлеченный звоном доспехов и громким разговором, напоминающим допрос. – Господин кавалер, – смиренно повторил он, – говорю вам, как перед Господом Богом: все, что говорит господин торговец, это чистая правда. Наш молодой господин впал в беспокойство и зашелся криком по причине, которую нельзя назвать серьезной. Он испугался, услышав страшную сказку, вот и все.

– Какую еще сказку?! Клянусь Святым Георгием, это самая, что ни на есть правдивая история! – воскликнул возмущенный торговец. – Да к тому же история о событиях в королевской семье... Тоже скажете, сказка! Это история убийства сыновей всемилостивейшего короля Эдуарда IV... история предательства кровожадного Йорка, их дяди! Сказка говорите... Да вы с ума сошли, друг мой! Я вполне могу понять, почему юноша упал в обморок, услышав рассказ о подобных зверствах!

И наш почтенный торговец громко расхохотался, полагая, что он произвел большое впечатление на своих слушателей. Но это несчастный даже не подозревал, до какой степени он впечатлил не того, кого следовало!

Как раз в это время белая кобыла взвилась на дыбы, а лицо благородной дамы, освещенное коптящими факелами, страшно побледнело. У всадника глаза вспыхнули, словно два выстрела. Он живо обернулся к даме и со всем возможным почтением произнес:

– Простите его, мадам, он не ведает, к кому обратился со столь дерзкими речами.

При этом голос его дрожал из-за сильных чувств, которые вызвали у него слова торговца.

Дама бросила на торговца пронизывающий взгляд и спросила:

– Так это вы были рассказчиком этой истории?

– Ну да, госпожа, – неуверенно ответил торговец.

– А кто вы такой? – поинтересовалась дама холодным и властным тоном.

– Томас Брук, торговец шерстью, мадам.

– Ну что ж, мистер Брук, – проговорила дама на чистом английском языке, – вы говорили о вещах, которые совершенно не касаются торговцев шерстью. Чтобы больше вы себе такого не позволяли!

Сказав это, она двинулась дальше и словно невзначай поддела ногой, скрытой под длинным платьем, нашего бедолагу. А тот застыл совершенно ошеломленный, пожирая глазами ее лицо, на котором лежал отпечаток прожитых лет и забот. Торговец совсем оробел перед величием облика дамы и при виде золотого обруча на ее голове, явного символа могущества, блики от которого искрами отражались в ее суровом взгляде.

Кобыла сделала несколько шагов, и дама остановила ее напротив Зэбе, который не на шутку встревожился оказанным ему вниманием, отчего все его тело затряслось мелкой дрожью.

– Ну а вы, – поинтересовалась дама, – вы служите этому упавшему в обморок господину?

– Да, благородная дама.

– И заодно слушаете рассказы о несчастьях королевского дома Йорков?

– Да.

– Отведите меня к этому молодому человеку. Я хочу взглянуть на него.

Трясущийся Зэбе от страха даже потерял ориентацию. Его обезумевшие глаза не сразу отыскивали костер, который в этой ситуации стал для него своего рода путеводной звездой. Наконец он сумел сдвинуться с места, и вслед за ним, перебирая сухими и нервными ногами, двинулась белая кобыла. Цоканье ее подков, бьющих по скальной породе, звучало в ушах бедного Зэбе, словно трубный глас всадника Апокалипсиса.

Не стоит и говорить, что все как один оробевшие и сникшие участники каравана выстроились вдоль пути движения дамы, в то время как грозный кортеж поджидал ее в стороне, держа наготове аркебузы и пики.

К месту, к которому вел Зэбе, даму сопровождал только спешившийся старший офицер.

Они подошли к нише, в которой на ложе из опавшей листвы и пахучих веток лежал молодой человек. Он еще не оправился от страшного нервного потрясения и лежал совершенно измученный невыносимыми страданиями, закрыв глаза и сжав зубы, словно мертвый.

Зэбе вытащил из костра чадающую смолистую головню и, склонившись над хозяином, посветил на его бледное лицо, чтобы дама могла лучше его рассмотреть. А она взглянула на юношу, и на ее лице отразилось чувство,

похожее на сострадание.

Нет такого поэтического образа, чтобы описать этот затененный в сумраке лоб, эти гордые черты лица, словно высеченные из белого мрамора, эти губы, похожие на лесные фиалки, на которых обозначились следы вечного сна.

Неизвестная дама порывисто склонилась над телом несчастного молодого человека и не смогла сдержать удивленного восклицания. Она взглянула еще раз и нервно сжала руку, протянутую ей офицером.

– О!.. – прошептала она на ухо офицеру, – смотрите же, капитан, какое потрясающее сходство!

– Не знаю, что показалось вашей светлости, – проговорил офицер, – но мне кажется, что я вижу...

– Говорите же, говорите!..

– Вашего брата, короля Эдуарда в возрасте двадцати лет. Ведь вы это хотите сказать, мадам?

– Мой брат, мой бедный брат!

– Остерегитесь, мадам, здесь повсюду уши.

– Вы правы.

Внезапно позади них послышался громкий голос. Это Томас Брук, который вновь обрел уверенность, воскликнул:

– Вы видите, благородная дама, что мы никого не зарезали и ребенок жив и целехонек!

От этих слов незнакомка вздрогнула. В сущности, в словах торговца не было ничего двусмысленного и ничего такого, что не вязалось бы с обстановкой. Но в тот момент, находясь под грузом воспоминаний и тяжелых чувств, переполнявших ее душу, дама восприняла эти слова как вещий голос, идущий с

небес.

– Ребенок жив, – еле слышно повторила она, все еще зачарованная внезапным видением. Но тут порыв холодного альпийского ветра унес ее слова так же, как он уносит любые другие звуки и запахи.

– Этот молодой человек потрясающе красив, – очнувшись, произнесла дама громким голосом. – Как его зовут? Откуда он, из какой семьи?

– Именно это я и хотел узнать как раз в тот момент, когда сюда явились эти нарушители спокойствия, – пробормотал сквозь зубы торговец шерстью.

Зэбе изобразил на лице самую почтительную улыбку и сказал:

– Мадам, его семья занимает важное место в высших деловых кругах. В ее руках торговля и банковское дело.

Между черными бровями ее светлости пролегла презрительная складка.

– Что же касается его имени, то имя он носит самое почтенное... Мадам, возможно, слышала о знаменитом Уорбеке.

– Уорбек... этот еврей? – воскликнула дама.

– Крещенный, крещенный, – жеманно отвечивал Зэбе, придав своему лицу какое-то кошачье выражение, что, впрочем, ни на йоту не изменило неисправимых черт его физиономии. Ведь крестись, не крестись, а крючковатый нос, лисьи скулы и характерный рот все равно останутся такими же, какими и были.

– Уорбек из Турне?? – уточнила дама.

– Точно так, мадам.

– И этот молодой человек его сын?

– Именно так, – ответил Зэбе.

– Но где же сам Уорбек?

– Его больше нет на этой земле, – вздохнул Зэбе.

– Он умер! Умер мой приятель Уорбек!.. – промолвила незнакомка.

И она, сняв с красивой руки теплую меховую перчатку, благоговейно осенила себя крестом. Так же поступил и ее офицер.

Зэбе тоже был крещенным и вполне мог бы последовать их примеру. Но по какой-то причине он не стал этого делать.

– Увы, да, благородная дама, – ответил Зэбе с необычайной живостью, которая, очевидно, должна была заменить крестное знамение. – Он скончался в Константинополе, и я, вместе с нашим другом Жаном, везу молодого господина Перкена в отчий дом, где его ожидает безутешная мать.

– Но, как я вижу, он находится в плачевном состоянии, – заметила дама.

Зэбе согласно покачал головой.

– Этот молодой человек не способен передвигаться верхом, – заявила дама. – В седле вы его живым не довезете.

– Если он умрет в пути, то нам останется только похоронить нашу хозяйку, – воскликнул Зэбе. При этом он так отчаянно жестикулировал, что на глазах из обычного урода превратился в еще более омерзительное существо.

– Значит, она очень любит своего сына?

– О, мадам! Она живет лишь надеждой, что сможет когда-нибудь обнять его.

– Ну что ж, – проговорила благородная дама. – Никак нельзя, чтобы я бросила в несчастье семью Уорбека, моего приятеля, который при жизни оказал много

ценных услуг и мне, и моим близким. Зря говорят, что знатные люди забывчивы... не так ли, капитан? Пусть со всеми предосторожностями поднимут этого молодого человека и отнесут в мою карету... В ней он спокойно проведет ночь и легче перенесет дорогу.

– Но, моя госпожа, – пробормотал ошеломленный Зэбе, – ведь мы направляемся к госпоже Уорбек...

– Отлично, сударь, и я направляюсь туда же.

– Но ведь мы его сопровождаем, благородная дама.

– Вот и сопровождайте... Только теперь вместо лошади, вы будете сопровождать карету, а мы будем сопровождать вас.

Зэбе посмотрел на Жана. Жан поклонился в пояс. Зэбе поклонился до земли.

– Все не так плохо, – подумал Зэбе. – Ведь я везу большие ценности. А этот пройдоха Жан мог их у меня украсть в дороге, вон какой он сильный!

После того, как он закончил свой внутренний монолог, двое слуг знатной дамы, выполняя ее распоряжение, перенесли молодого Уорбека в карету, а остальным слугам еще раньше было велено искать дорогу, чтобы обойти препятствие. Слуги срубили дюжину деревьев и через час явились и доложили, что проход для лошадей вскоре будет готов. Был слышен стук топоров и треск падающих лиственниц.

– Скоро путь будет расчищен, – обратилась дама к торговцу шерстью. – Вы все тоже можете им воспользоваться.

– Кто такая эта женщина, что прокладывает дороги в альпийских скалах? – спросил Томас Брук у одного из вооруженных людей.

– Это ее светлость вдовствующая герцогиня Бургундская, – ответил закованный в латы всадник.

– Вдова Карла Смелого! – воскликнул торговец, и эта новость вскоре разнеслась по всему каравану.

Но швейцарцы лишь пожали плечами.

– Похоже, – сказал один из них по-немецки, – этот род существует лишь для того, чтобы переворачивать весь мир вверх дном. Покойный герцог Карл вытрясал души из людей, а герцогиня взялась за горы.

– Тише вы! – прошептал Томас Брук. – Счастье, что вы говорите по-немецки.

– Каждый швейцарец волен говорить все, что он хочет, – заявил другой житель Берна. – Это право говорить свободно мы приобрели в Грансоне, в Муртене, в Нанси и заплатили за него звонкой монетой[1 - В 1475–1477 гг. у этих городов происходили битвы бургундцев со швейцарцами. Все они закончились победой швейцарцев, причем в битве при Нанси был убит герцог Бургундии Карл Смелый.]. Если не верите, так спросите у герцогини.

И сыны Гельвеции расхохотались от всей души.

Внезапно герцогиня с большим достоинством повернулась в их сторону и сказала по-немецки:

– Одно только вы не приобрели – это право оскорблять женщину, которая оказывает вам услугу. Очень уж вы заносчивы, господа бернские буржуа. Это не вы победили герцога, моего дорогого супруга. Его поразил гнев Божий. Если вы не боитесь гнева Господня, то бойтесь моего гнева. Неровен час, я решу вас повесить.

– Что касается вас, мистер торговец, – продолжила герцогиня, поворачившись к оторопевшему Бруку, – то послушайтесь моего совета, держитесь подальше от таких попутчиков. Они презирают Бургундию, ну а вы очерняете Йорков. Вы встали на опасный путь, и если будете следовать ему, то для вас это плохо кончится.

Брук был не из тех, кому надо повторять дважды. Он мгновенно отскочил подальше от швейцарцев и этим даже вызвал улыбку у герцогини, которая все

это время сохраняла крайнюю серьезность, граничащую с меланхоличностью.

А на швейцарцев вдруг напала дрожь. Они застыли на месте и мяли в руках свои береты, явно не желая принимать мученическую смерть во имя патриотических чувств.

Нельзя с уверенностью утверждать, но, возможно, демонстрация бургундских аркебузов и пик явилась своеобразным и красноречивым реваншем за бургундские кости, оставленные на швейцарских полях сражений.

Вскоре эскорт герцогини, увеличившийся за счет покорных участников каравана, двинулся в путь по новой дороге, а луна, поднявшаяся из-за зубчатых скал, освещала тропу, вьющуюся меж гранитных откосов.

III

Маргарита Йоркская, вдовствующая герцогиня Бургундская, приходилась сестрой Эдуарду IV, отцу несчастных убитых детей, сестрой Ричарду III Йоркскому, герцогу Глостеру, их убийце, и сестрой герцогу Кларенсу, убитому своими братьями. Ее выдали замуж за бургундского герцога Карла Смелого, одного из самых могущественных вельмож своего времени, и в результате из лона семьи, погрязшей в насильственных преступлениях, несчастная Маргарита попала ко двору, для которого кровопролитие и война были делом обычным. Она была воспитана в ненависти ко всему французскому, и это чувство всегда руководило ею во время военных советов, созываемых ее мужем. Карл Смелый и сам был непримиримым врагом короля Франции и, возможно, победил бы его, не будь Людовик XI таким хитроумным политиком и не обладай он талантом избегать войны со столь грозным соперником, своевременно подставляя под удары герцога других своих опасных врагов.

При жизни Карла Смелого и даже после его смерти Маргарита, сестра короля (Эдуард IV еще правил в те годы), считалась в Европе одной из самых влиятельных вельможных дам королевских кровей. Ее вынудили уступить Марии Бургундской, дочери Карла, владения покойного герцога в Бургундии, но она сохранила за собой прекрасные владения во Фландрии, доставшиеся ей по наследству от мужа. Она также сохранила титул принцессы и пользовалась

поддержкой своей семьи в Англии. Когда Эдуард IV умер, королем стал Эдуард V, его сын. В результате Маргарита стала теткой правящего короля. От этого ее влияние только возросло. Правда, в результате вероломного покушения Ричарда на своих племянников Эдуард V потерял и корону, и саму жизнь. Но убийца стал королем – Ричардом III. Он, конечно, был настоящим чудовищем, но, тем не менее, оставался братом Маргариты. И он реально правил в Англии, поэтому траур в семье Йорков несколько не уменьшил могущества герцогини Бургундской. Йорки и их эмблема, Белая роза, по-прежнему сияли на английском троне.

Но внезапно на политической сцене появилось новое действующее лицо. Объявленный вне закона граф Ричмонд Ланкастер высадился со своей армией на английской территории и начал военные действия, стремясь лишить Ричарда III его трона. В результате тиран сгинул в долине Босворта. Ричмонд был коронован и занял трон под именем Генриха VII. И вот теперь Йорки низвергнуты, и королевская власть в Англии перешла к Ланкастерам. От прошлого у Маргариты остались одни лишь воспоминания. Спрашивается, к чему были все эти убийства, насильственный захват власти, всякого рода зверства, позволившие Йоркам вознестись столь высоко? Выходит, Ричард III ради своего единоличного правления собственной рукой оборвал на Белой розе все лепестки. И на английском пенни теперь гордо красуется Алая роза Ланкастеров.

Теперь, после всех свалившихся несчастий, Маргарита вынуждена признать, что от ее прошлой жизни остались одни руины. Людовик XI благодаря своему терпению в итоге забрал Бургундию у внука Карла Смелого. Нынешний король Франции, Карл VIII, и знать не знает, что когда-то существовала самостоятельная Бургундия. В Англии Генрих VII только тем и занят, что копит золото, которое он боготворит. Он правит, не ведая забот, ведь его враги, Йорки, сгинули безвозвратно. И только последний отпрыск некогда блестящего рода незаметно прозябает в сумраке Лондонского Тауэра. Это один из сыновей герцога Кларенса, который принадлежит к роду Уорвиков. Народ любит его, но никто не верит, что он еще жив.

Кроме того, имеется еще дочь Эдуарда IV. Но этот ловкач Генрих VII женился на ней, и Елизавета Йоркская стала королевой Англии. Народ с восторгом приветствовал союз двух роз в надежде, что после долгой и кровопролитной гражданской войны наконец воцарятся мир и согласие.

Что же касается Маргариты, герцогини Бургундской, то она теперь тетка королевы, и ее последние надежды связаны с тем, что королева когда-нибудь вспомнит, что в ее жилах течет кровь Йорков.

И вот теперь с ловкостью, какой всегда славились бургундские политики, Маргарита затевает интригу в отношении своей племянницы Елизаветы, надеясь получить точные сведения о ее чувствах и намерениях. Она вступила в переписку со своей невесткой, вдовствующей королевой Англии, вдовой Эдуарда IV. Быть может, эта дама королевского рода, которая потеряла все – мужа, детей, корону – поймет страстное желание Маргариты выйти из тени бывшего величия. Если эти три искушенные женщины вступят в тесный союз, то они, без сомнения, добьются очень многого, и тогда перспективы Йорков уже не будут выглядеть столь безнадежными, несмотря на все понесенные ими утраты.

Маргарита удалилась в свои владения во Фландрии и начала раскручивать невинную, по ее мнению, интригу, казавшуюся ей лишь бледной тенью тех славных дел, которым она предавалась в свои лучшие годы. И вот теперь, куда ни глянь – везде ее послы и лазутчики. О чем просит герцогиня? Она хочет иметь право возвращаться в Англию, когда ей становится скучно на просторах Фландрии. Также она хотела бы получить свою долю во владениях дома Йорков, полностью конфискованных Генрихом VII. А вот когда она будет обеими ногами стоять на английской земле вместе со всем народом Англии, когда она вступит во владение родовыми поместьями, удвоив тем самым свои богатства, тогда у нее будет достаточно сил, чтобы встряхнуть весь мир до основания. На склоне лет в нее вдруг вселилась душа Карла Смелого. Туманными ночами во Фландрии к ней является тень неистового бургундца и взывает к решительности и мести. При этом Маргарита вообще ничем не рискует, ведь у нее нет ни родины, ни любви, ни детей.

Годы проходят, и бездеятельность становится невыносимой пыткой для этой отчаянной натуры. Чтобы создать иллюзию деятельности, она много путешествует. Герцогиня заводит информаторов в Савойе и в Германии. Ее щупальца дотягиваются даже до Шотландии, где правит молодой король Яков IV, который выдвигает территориальные претензии Генриху VII и ждет лишь удобного случая, чтобы расширить свои владения. Маргарита богата, ведь она всегда умела копить и приумножать богатства, и если ей удастся найти надежного союзника, чтобы надавить на Генриха VII, то этому монарху придется быстро удовлетворить все ее требования.

А время неумолимо движется вперед. И Маргарита, уставшая ждать своего часа, уже инициировала немало темных дел. Чего стоит одно только дело самозванца Ламберта Симнела, который пытался выдать себя за Уорвика, сбежавшего из Тауэра. Благодаря делу Симнела герцогиня убедилась, что народ Англии по-прежнему любит Йорков. Симнел потерпел неудачу и был унижен прощением Генриха VII, а все интриганские усилия Маргариты оказались тщетными. Но ведь Генриху VII пришлось принять вызов и вступить в борьбу, которая, по существу, была борьбой против национального духа англичан. И если в тот раз удача была на его стороне, то почему бы ей не отвернуться от него при других обстоятельствах? А если его убьют в какой-нибудь схватке, как Ричарда III, тогда его жена Елизавета – а она из рода Йорков! – станет единственной правительницей Англии.

Значит, надо действовать, непрерывно и тайно сотрясать трон, занятый этим Ланкастером. В этом и заключается политика герцогини Бургундской. В результате такой политики либо падет сам Генрих VII, либо из его короны прямо в руки Маргарите выпадут несколько драгоценных камней, а уж она-то готова их подхватить.

Всё, пора действовать, больше никаких передышек! Шотландия прислушивается к предложениям герцогини Бургундской. В своем дворце должна активизироваться вдова Эдуарда IV. Елизавета, жена Генриха VII, ждет лишь, когда ее коронуют, и тогда она начнет решительно действовать в пользу Йорков. Вот уже двенадцать лет народ проливает слезы, едва услышит рассказы об убийстве детей Эдуарда. Люди так любили эту семью, что даже преступления Ричарда не смогли сделать ненавистным имя Йорков.

Что касается Генриха VII, то он, конечно, всемогущ, это правда, но не популярен. Его терпят, потому что он женат на Елизавете и потому что у Белой розы нет отпрысков мужского пола. Если представится случай, то вспыхнет искра, и тогда взрыв и пожар не заставят себя ждать.

Маргарита уже расставила свои ловушки. Если не в одну, так в другую неуязвимый Генрих VII обязательно попадет. Если он полностью перейдет на сторону Йорков, тогда возвращение Маргариты в Англию и ее воссоединение со своей племянницей станет и для него благим делом. Но если он будет сопротивляться и упорно склоняться на сторону Ланкастеров, тогда он вызовет по отношению к себе такую ненависть, что поневоле начнет оступаться и рано или поздно упадет.

Какие же ловушки герцогиня заготовила для короля? Во-первых, тайный союз с вдовствующей королевой, которую народ обожает в память о двух ее зарезанных сыновьях. Вторая ловушка – это возможный триумф Елизаветы Йоркской, жены короля и племянницы Маргариты. И, наконец, ловушкой может оказаться вечно беспокойная Шотландия, постоянно ожидающая дурных вестей из ненавистой Англии и готовая принять у себя любую армию, собирающуюся напасть на ее главного врага. Послы герцогини при ее тайных союзниках ежедневно передают информацию обо всех легкомысленных поступках Генриха VII и о настроениях в народе. Герцогиня подписала договор с Савойей, достигла соглашения с Францией и теперь ждала подходящий случай, надеясь, что где-то вспыхнет искра.

Но как ни торопилась Маргарита, она все же не рассчитывала на быстрое осуществление своих планов.

IV

После более чем суточного перехода герцогиня и думать забыла о странной встрече в горах с сыном умершего торговца.

Даже в седле неутомимая Маргарита либо читала сама, либо требовала, чтобы кто-нибудь ей читал. Она отправляла и принимала курьеров, расспрашивала встречных людей и делала остановки, чтобы написать письма. Покойный Уорбек и его полумертвый и наполовину сумасшедший сын больше не занимали мыслей герцогини. По возвращении во Фландрию Маргарите предстояло произвести расчеты с вдовой крещеного еврея, служившего денежным мешком для большинства коронованных особ Европы. Она была заинтересована в том, чтобы осчастливить мать, вернув ей ее сына, поскольку семейство Уорбеков было богатым и охотно давало деньги в долг. Но все эти обстоятельства давно стали незначительными деталями ее генерального плана, и она больше о них не вспоминала. Главным для Маргариты было неуклонно продвигаться вперед в осуществлении ее замыслов.

Горы давно остались позади, и уже была пройдена долина Мозеля. Их группа находилась неподалеку от Нанси, приближения к которому герцогиня всячески

избегала. Она опасалась, что ее узнают, когда она с отрядом появится на земле Лотарингии, и не желала видеть стены, у которых пал Карл Смелый. Но тут герцогиня неожиданно получила послание, по прочтении которого у коней, казалось, выросли крылья, а во всадников вселилась дьявольская прыть.

«Один друг, – было написано в депеше, – ожидает вас в Суассоне. У него важные новости из Лондона и Шотландии».

В арьергарде у герцогини остались все повозки и тяжеловооруженные всадники. Она оставила на их попечение карету с больным юношей, а сопровождающим дала обещание явиться в Турне к матери больного в один день с ними. Затем во главе отряда, состоявшего из десяти наиболее приближенных дворян, она совершила длительный переход и, наконец, после бешеной гонки добралась до места, указанного в послании.

На подходе к французской границе дворяне незаметно исчезли, и сопровождать Маргариту остался лишь старший офицер, капитан, опытный английский военный, побывавший во всех битвах вместе с покойным герцогом. Маргарита в пути сменила платье и теперь выглядела, как простая горожанка. До Суассона они добрались без каких-либо затруднений.

В те времена главным событием во Франции стал отъезд короля Карла VIII в Неаполитанское королевство. По всей стране собирали воинские контингенты, запасы продовольствия и вооружений и направляли их в Дофине, где был назначен общий сбор французской армии. Поэтому ничто не мешало герцогине в осуществлении ее планов и перемещениях по стране.

О каком друге шла речь в послании? Если это был один из ее агентов, то вряд ли он осмелился бы использовать слово «друг» в отношении гордой особы королевских кровей. Но и ошибки быть не могло, так как послание содержало секретный знак, используемый в переписке герцогини с королем Шотландии. Маргарита в нетерпении быстро покоряла пространство и при этом страстно желала, чтобы и время также бежало быстрее.

Когда она в сопровождении капитана въехала в городские ворота Суассона, уже наступил вечер. День был праздничный, и все жители, словно пчелы, выходящие вокруг ульев, прогуливались вокруг больших городских башен. В церкви сияли оконные витражи, а из открытых дверей храма вырывался запах ладана и

смешивался с запахом роз, которыми дети усеяли церковную площадь.

На главной улице Маргарита отпустила поводья. Она не подавала виду, но постоянно ощущала, что от самых въездных ворот за ней кто-то неотступно следит. Неожиданно чей-то голос тихо произнес:

– Поверните налево.

Она послушно двинулась в указанном направлении. По пустынной и темной боковой улочке добрались до небольшой площади, и голос невидимого сопровождающего произнес:

– Это здесь.

Тут же герцогиня заметила, как ранее не видимый человек вышел из тени и открыл ворота во въездной арке. Заскрипели мощные петли. Лошади, привлеченные соблазнительным запахом корма, весело вбежали в раскрытую арку. Маргарита спешила во дворе, утопающем в виноградных лозах и бутонах распустившихся роз. Уже совсем стемнело. Провожатый тихо свистнул и появился лакей, осветивший для герцогини ступени небольшого каменного крыльца, где ее ожидала какая-то женщина. Она стояла на пороге комнаты, стены которой были обтянуты фламандской кожей.

Маргарита вошла в комнату, и лакей немедленно исчез, закрыв за собой дверь. В этот момент незнакомая дама вскрикнула и бросилась в объятия герцогини, которая тут же распознала ее свежее лицо, лучезарную красоту, аромат молодости и шотландский акцент, столь милый ее уху и ее сердцу.

– Катрин Гордон! – воскликнула герцогиня вне себя от радости, – это ты, моя графиня, дитя мое, это ты, ты!.. Ах! Впервые за столько лет мое сердце так забило от счастья! Катрин!.. моя шотландская роза, моя дорогая крестница!.. О, ну что же ты... обними меня еще раз!

Суровая герцогиня держала в объятиях юную девушку и покрывала поцелуями ее лицо. Она вся трепетала, рыдания вырывались из ее груди. Сердце Маргариты было настолько переполнено воспоминаниями о семье и любимой родине, что она с готовностью отдала бы любой город в своих владениях, если бы это помогло с потоком слез излить накопившуюся боль.

Катрин тоже испытывала огромную радость и волнение. В свои шестнадцать лет девушка была чиста и нежна, словно ангел. И вот теперь она смеялась и плакала одновременно.

– Как же так! – сказала герцогиня, усадив, наконец, девушку подле себя, почти себе на колени. – Как же так, ты явилась сюда прямо из Шотландии!.. Одна проделала столь долгое путешествие?.. Дитя мое!.. Видно, что ты нашей породы, за наружностью нимфы скрывается львица! И король Яков отпустил тебя одну?.. Какая неосторожность!.. Сразу видно, что он так же молод, как и ты.

– Он сам отправил меня к вам, дорогая крестная.

– Но этим он подверг тебя большой опасности.

– Наш любимый Яков знает, какая я храбрая, и только такой смелой и надежной душе он мог доверить то, что я должна вам сказать.

– Ты привезла важные новости, дитя мое? – нежным голосом спросила герцогиня, сжимая в своих руках холодные руки Катрин и заглядывая в самую глубь открывшейся перед ней чистой души.

– Вам судить, насколько они важны... Но сначала скажите, не слишком ли вы устали с дороги? Ваши покои готовы. Я жду вас уже два дня. Пожалуйста, распоряжайтесь здесь, как в собственном доме.

– Я совсем не устала, и ничто, имеющее отношение к этой жалкой жизни, меня не заботит. Я думаю только о тех словах, которые ты собираешься произнести. Видишь, как я бледна... Моя душа там, в Англии. Катрин, скажи же, наконец, что я вновь увижу родину. Скажи, что мы увидим, как Йорки одержат верх, и тогда за одну минуту ты мне доставишь столько радости и блаженства, сколько не получишь и за десять сроков царствования.

Катрин слегка покачала головой. Взгляд ее светлых лазоревых глаз вдруг словно затянуло тучей, вроде тех, что вызывают сильное волнение на голубых озерах Ирландии.

– Дорогая крестная, – грустно прошептала она, – пока я вам этого сказать не могу! И я не говорила, что привезла хорошие новости. Те новости, что я собираюсь вам сообщить, очень серьезны и, скажем так, связаны с весьма важными событиями.

– Ну, значит, несчастья падут на нас, – вздохнула герцогиня. – Но несчастья, о которых дитя сообщает дрожащим голосом, души избранных, то есть королевские души, упорством и трудом могут обратить в счастье, иными словами, в успех. Говори, любимое мое дитя. Говори, видишь, я готова услышать самые страшные вести. И минуты довольно, чтобы радость сменилась отчаянием и безнадежностью.

– Пока не все так безнадежно, мадам, – сказала Катрин. – Но я видела, что король Яков очень опечален. И кстати, вы не спрашиваете, одна ли я прибыла из Шотландии во Францию.

– Я не спрашиваю об этом, Катрин, потому что знаю, что это невозможно. К тому же я знаю, как дружен король с верным Гордоном. Король наверняка направил с тобой свиту, способную где угодно постоять за тебя.

– Я прибыла в сопровождении лишь двух человек, – сказала девушка с невинной улыбкой, при виде которой Маргарита содрогнулась.

– Двух человек... – прошептала она. – Уж не рыцари ли они Круглого стола?

– Нет, это моя кормилица и секретарь, который сроду не держал в руке шпаги.

– От твоих слов меня бросает в дрожь. Кто он такой?

– О, вы никогда не догадаетесь.

– Так не томи меня... Кто этот непобедимый герой, которому король доверил наше самое ценное сокровище?

– Это очень преданный человек. Он рисковал жизнью в этом путешествии, и теперь, когда мы в безопасности, он умрет, если вы не проявите готовность взять его под свою защиту.

– Назови его имя.

– Фрион.

– Этот француз? Личный секретарь короля Англии? – воскликнула герцогиня, и ее глаза вспыхнули от удивления и радости.

– Он самый, – сказала Катрин.

– Столь важный перебежчик... И он готов выдать нам секреты своего хозяина?

– Все!

Герцогиня была так довольна, что даже захлопала в ладоши. Но внезапно в ее глазах промелькнула озабоченность.

– погоди, – проговорила она с волнением в голосе. – А вдруг это ловушка. Уж не Ланкастер ли послал нам этого человека?

– Вы не поверите, что такое возможно, когда выслушаете Фриона. Во всяком случае, король Яков в это не поверил. Да и тот, кто ставит такие ловушки, сам же первый в них попадает.

– Объясни, что ты имеешь в виду, девочка моя.

– Вот, что поручил мне передать вам король Яков. Король Англии отказывается короновать свою жену Елизавету, потому что боится ее популярности. В народе отмечается большое недовольство. Шотландия намеревается выступить против Ланкастера и собирает армию.

– А какой имеется для этого повод, дорогая Катрин? – серьезным тоном произнесла герцогиня. – Не хватает повода. Ведь Генрих VII сильный политик, если он решит ублажить свой народ, то потом сдерет с него за это двойную цену. Если на него немного надавят, то он коронуется Елизавету, и тогда народ Лондона воздвигнет в его честь триумфальные арки. Он играет с именем Йорков, словно кот с дохлой мышью. Ему слишком хорошо известно, что он может больше не опасаться этого имени!

Сказав это, Маргарита тяжело вздохнула.

– А если вы ошибаетесь? – тихо проговорила Катрин, и в ее глазах засверкали радостные искры. – Если все обстоит как раз наоборот, и гонения Генриха VII на женщин дома Йорков объясняются его новыми опасениями.

– Как я только что тебе говорила, дорогая Катрин, для этого нужен повод.

– А если повод найдется, и он будет таков, что воспламенятся вся Англия и вся Шотландия?

– Дитя!.. такого рода пожары очень быстро гаснут, а заливают их всегда нашей невинной кровью.

– Ну, так знайте, дорогая крестная, – сказала Катрин, понизив голос, – что среди приближенных короля циркулируют слухи, и от этих слухов минуты бессонницы короля становятся для него нескончаемой пыткой. Говорят, что появился некий принц, принадлежащий к дому Йорков, один из моих юных кузенов, которому удалось избежать смерти в Лондонском Тауэре.

Герцогиня грустно покачала головой.

– Об этом уже слишком много всего наговорили, девочка моя. Для Генриха VII эта страшилка больше не опасна, а для нас и для народа такие слухи перестали быть поводом для радости.

– Однако, когда эти слухи дошли до короля, он страшно разгневался, и у него было объяснение с женой, которое переросло в бурную сцену. Говорят также, что вдовствующая королева была вызвана во дворец. Свидетели утверждают, что ясно слышали угрозы Генриха VII, а также рыдания и проклятья несчастной матери.

Маргарита прижалась лбом к горячим ладоням. Она внимательно выслушала крестницу, но слова Катрин пока ее не убедили.

– Кто-то что-то говорит, – произнесла она едва ли не насмешливым тоном. – Свидетели что-то утверждают, и этого достаточно для короля Якова IV? Для

тебя, конечно, этого достаточно, ведь ты веришь в то, во что тебе хочется верить. А кто сочинил всю эту историю? Фрион? И ее он представил королю Шотландии? Если и сюда он привез только эти, с позволения сказать, «новости», тогда вряд ли ему здесь сильно обрадуются.

Едва герцогиня произнесла эти слова, как ее внимание привлек тихий звук, который послышался за занавеской из тяжелой ткани, закрывавшей вход в соседнюю комнату.

– Занавеска дрогнула, – сказала Маргарита. – Нас подслушивают.

– Там Фрион, – ответила девушка, несколько смущенная недоверчивым и властным тоном герцогини.

– Как! Тебе следовало предупредить меня, – воскликнула Маргарита. – По твоей милости я так неосторожно говорила в присутствии подозрительного человека, француза, который, возможно, и испытывает к нам добрые чувства, но, тем не менее, предал своего господина.

Тут занавеска поднялась, и герцогиня увидела человека, стоящего на коленях в полутемной комнате. Голова его поникла из-за только что перенесенного унижения.

– Если я предал вас, мадам, – сказал человек взволнованным голосом, – то вам не придется долго искать меня, чтобы назначить мне наказание. Я отдаюсь в ваши руки. Вы, конечно, можете подвергнуть сомнению мою честь, но, полагаю, вы излишне поспешно ставите под сомнение проницательность короля Шотландии. Этот властелин отличается не только благородством и смелостью, но также и немалой осторожностью, и он никогда не послал бы меня к вам, если бы не признал важности моих сообщений.

Пока Фрион произносил свою речь, герцогиня внимательно рассматривала его. Эта женщина привыкла распознавать истинную сущность любого человека, за какой бы маской он ни скрывался. Сейчас перед ней стоял на коленях зрелый мужчина в полном расцвете сил, лицо которого, отмеченное печатью незаурядного ума, поражало исключительно тонкими чертами. Что касается выражения его лица, то оно привлекало смесью решительности, почти граничащей с наглостью, и искренности, которую, впрочем, было непросто

разглядеть из-за характерной формы его рта и вызывающего взгляда. Такие натуры отличаются одновременно взвешенностью и безрассудной храбростью, и они способны творить великие дела. Герцогиня сразу поняла, с кем имеет дело. В оценке людей она никогда не ошибалась. В итоге Маргарита сочла, что этот мужчина весьма энергичен и заслуживает ее внимания.

– Ну, хорошо, – сказала она более мягким тоном. – Вы доставили королю Шотландии важные сведения. Но где доказательства?

– Надеюсь, ваша светлость и в мыслях не допускает, – спокойно ответил Фрион, – что я осмелился предстать перед очами столь проницательной принцессы, истинного гения нашего времени, бурлящего интригами и смелыми идеями, не имея на руках документов, безоговорочно подтверждающих мой дар предвидения и мою преданность.

Герцогиня приблизилась к нему. Фриону показалось, что он уже наполовину выиграл эту партию.

– Вы ведь только что услышали, что мне сообщила Катрин? – поинтересовалась Маргарита.

– Госпожа графиня вполне доверяет мне с тех пор, как милостивый король Шотландии приказал мне сопровождать ее. Я все слышал. Но я должен подчеркнуть, что слышал я лишь то, о чем сам сообщил королю Якову. Так что некоторая бестактность с моей стороны не так уж и велика. Что касается слов, произнесенных вашей светлостью, то я ожидал, что услышу их, ведь именно поэтому я и появился здесь. Я приехал именно для того, чтобы услышать эти слова, мадам, а что касается ваших чувств, то они и так хорошо известны всей Европе. Как только у вас созревает какой-либо план, или идея, или надежда, они сразу становятся мне известны не хуже, чем вам самой.

– Что ж, говорите вы весьма смело, – сказала Маргарита, которую, впрочем, смутило спокойствие, с которым было сделано это заявление. – Обычно мои планы известны лишь тем, от кого зависит их успешное выполнение. А для посторонних знакомиться с моими планами весьма опасно.

– Никто лучше меня не поможет вам, мадам, в осуществлении ваших планов, – проговорил Фрион. – Именно в сотрудничестве со мной вас ждет успех.

– Хочу задать вам два вопроса, – перебила его герцогиня. – Что побудило вас предать своего хозяина?

– Отвечу вам, как на духу: его скупость.

– Человек вашего ума должен уметь превращать скупого в щедрого расточителя.

– Никогда щедрость короля Генриха VII не будет соответствовать моим желаниям и амбициям, – ответил Фрион без пафоса и без тени смущения. – Все три года, что я был секретарем его величества, я оказывал ему очень ценные услуги. А он платил мне лишь презрением или обещаниями. Так вот, я желаю либо сколотить большое состояние, либо умереть молодым. Участь человека находится в его собственных руках.

– Вы любите деньги?

– Очень люблю.

– А знаки почтения, восхваления?

– Я их страстно люблю.

– Что бы вы хотели получить от меня?

– Все, что только пожелаю, потому что со мной вы одержите полную победу, так же, как и я с вами. Тот, кто хочет приобрести все, должен быть безгранично щедр, и лишь тот, кто желает сохранить приобретенное, обычно скареден и расчетлив.

– Так что вы привезли для меня?..

– Бесспорные доказательства борьбы, которая разворачивается между Генрихом VII и обеими королевами, его женой и его тещей, по причине появления на сцене одного из сыновей покойного короля Эдуарда.

– Покажите... Кстати, не желаете ли с самого начала обозначить цену ваших услуг?

На лице Фриона показалась тонкая улыбка.

– Сейчас мне ничего не надо, – сказал он, – потому что сегодня я не могу дать вам все то, что вы в дальнейшем получите от меня, и лишь последующие события могут принести мне то, чего я ожидаю от вашей светлости.

Сказав это, он вытащил из пояса пряжку очень тонкой работы, которая раскрылась после того, как он нажал скрытую пружину. Внутри металлической пряжки лежала записка. Эту записку Фрион протянул герцогине.

– Вашей светлости знаком этот почерк? – спросил он.

– Это писала моя невестка Елизавета!.. королева-мать... Да, конечно, знаком!..

– Тогда извольте прочитать, мадам, – почтительно сказал секретарь с нотками самодовольства в голосе.

«Дорогой друг, дорогая сестра, – прочитала Маргарита, вдруг почувствовавшая сильное волнение. – В моей жизни произошла настоящая революция. Вчера случаю оказалось угодно, чтобы передо мной предстал человек, которому прежде я не могла бы посмотреть в глаза, не умерев при этом от боли и гнева. Этот человек, этот убийца, ставший причиной всех моих несчастий, не смог выдержать тяжести моего взгляда. Он бросился к моим ногам... Он сказал мне: «Сохраняйте надежду, несчастная мать!..».

В этом месте Маргарита прервала чтение. Она конвульсивно приложила руку к сердцу, которое забилося так, словно было готово выскочить из груди.

– О каком человеке упоминает моя сестра? – прошептала она, устремив вопрошающий взгляд на Фриона.

Секретарь умоляюще взглянул на нее и знаком попросил продолжить чтение. Маргарита повиновалась.

«О!.. Если Бог пожелал, чтобы злодея замучили угрызения совести, если он пожалел страдающую женщину из рода Йорков, то он не допустит, чтобы случилась ошибка или предательство, чтобы слова Брекенбери вновь обернулись преступлением...»

– Брекенбери, – воскликнула Маргарита. – Это был Брекенбери, комендант Тауэра, исполнитель преступной воли Ричарда III, убийца несчастных детей!

– Все говорит о том, мадам, – заговорил Фрион, – что Бог внял мольбам несчастной королевы. Говорят, что этот Брекенбери до такой степени мучается угрызениями совести, что многие даже видели, как он с безумным и несчастным видом бродит по Лондону в окрестностях Тауэра... Именно там его и повстречала королева-мать. А он бросился к ногам той, кого обрек на вечную муку, и встреча с которой является для него самым страшным наказанием.

Маргарита опять с жадностью схватила письмо и продолжила чтение.

«Я испустила такой крик, я билась в таком исступлении от сумасшедшей радости, что сбежались люди. Король захотел узнать о случившемся. Меня едва ли не пытали, но я ничего не сказала. О, мой друг! Вы могущественны, вы свободны, ищите его по всему миру, вырвите у этого человека тайну, которой буквально пылали его глаза. Я схожу с ума, сестра моя».

– Сестра моя! – изумленно произнесла Маргарита. – О какой сестре идет речь? Кому адресовано это письмо?

– Вам, мадам, – сказал Фрион.

– А как оно попало в ваши руки?

– Король собирался перехватить его. Он всегда так поступает с письмами своей жены и тещи. Мне было поручено это осуществить. Я всегда верно исполнял подобные поручения. Но на этот раз, как я уже вам объяснил, мадам, мое терпение подошло к концу, и я не стал показывать письмо королю, а сохранил его у себя. И вот, с этой бесценной гарантией моей безопасности в кармане я сбежал в Шотландию. Король Генрих не дождался ни меня, ни этого письма и по этой причине испытал двойной гнев, но я уже был для него недосягаем. Король Яков выслушал меня и спросил, что я собираюсь делать дальше. Я объяснил ему,

что вы – единственный человек, который способен меня понять и с пользой служить делу Йорков. Прошу заметить, мадам, что я мог бы обратиться к королю Карлу VIII, к моему королю Франции, и он дорого заплатил бы за возможность спровоцировать потрясения в Англии. Но я выбрал Маргариту Бургундскую, достойную дочь рода Йорков. В итоге король Яков приказал посадить меня на корабль, капитан которого уже ждал приказа поднять паруса. При этом я не знал, что леди Катрин Гордон также отправилась в путешествие. Когда я высадился в Кале, эта дама передала мне приказ сопровождать ее в Суассон. Я повиновался. Теперь решение за вами, ваша светлость. Должен предупредить, что от этого великолепного письма, о котором не знает никто, кроме короля Шотландии и меня, еще до того, как я передал его вам, мадам, начало исходить нечто, напоминающее запах надежды и возрождения, и запах этот уже распространился по всей Англии. Говорят, что король Генрих VII взбешен до потери разума. Идут повальные аресты, проводятся расследования, и чем больше тиран душит своих недругов, тем быстрее растет их число. Все это напоминает бурю, которой охвачены уже две трети территории страны.

Он замолк. Казалось, что герцогиня, впадшая в глубокие размышления, продолжает его слушать, но в действительности она его уже не слышала.

– Что стало с этим Брекенбери? – прошептала она.

– У вашей светлости большие возможности, мы найдем его, – сказала Катрин. – О, его необходимо найти!

– Да, – тихо произнесла Маргарита, – да, но раньше его схватит Генрих VII. Ведь ему достаточно только руку протянуть. Если он не схватит этого человека, то тогда, я думаю...

– Ваша светлость, – перебил ее Фрион, перехвативший недоверчивый взгляд Маргариты, – ведь чтобы король Генрих начал искать Брекенбери, он должен знать, что этот Брекенбери сделал и сказал. А узнать это можно только из известного вам письма, но, как я имел честь сказать вам, мадам, я изъясил это письмо еще до того, как оно попало на глаза королю.

– Да, это так, – сказала герцогиня. – Если только моя сестра королева не проявила слабость и не призналась во всем своему зятю. Но откуда взялся этот Брекенбери? – добавила она. – С чего бы вдруг такое утешение свалилось на

королеву-мать? Знаете, Катрин, от всего этого веет то ли безумием, то ли изменой. Если бы действительно был жив отпрыск Йорков, то разве за последние двенадцать лет я не узнала бы об этом? Судите сами, чисто случайно, без всякого повода, слух об этом дошел до его матери, но ведь уже десять раз мог представиться гораздо более удобный случай. Нет, говорю я вам, тут чувствуется новое предательство, и я, наученная горьким опытом, обязательно найду предателя.

Фрион едва заметно пожал плечами, скорее из сочувствия, чем с обидой. Маргарита, конечно, заметила его жест, но она уже чувствовала непреодолимое уважение к этому странному человеку и не рассердилась.

– Ваша светлость, – сказал Фрион, – вот вы все время говорите о предательствах и предателях. И хотя мое долготерпение безгранично, я все же вынужден оглядеться вокруг, чтобы понять, на кого вы намекаете. Я смотрю и не нахожу никого, кроме себя самого. Да, я действительно предатель по отношению к своему бывшему хозяину. Но таким образом мы попадаем в порочный круг, и я прошу вашу светлость выйти из него, поскольку в противном случае мы оба не продвинемся в осуществлении наших планов. Либо мне не доверяют, либо доверяют. Если доверяют, тогда попрошу вас незамедлительно послать мне соответствующий сигнал, который был бы достоин и меня, и нашего дела. Но если мне не доверяют, тогда прочь сомнения! Я обратил внимание, что там, во дворе, имеются железные крюки, колодец, дюжие лакеи и конюх, люди привычные к быстрым расправам. Хватит пяти минут, чтобы меня утопить или повесить. Главное, давайте не будем терять время.

Катрин содрогнулась, увидев, как вызывающая храбрость этого новоявленного советника схлестнулась с холодной и угрюмой позицией знатной особы.

– Приходилось мне видеть весьма смелых мошенников, – сказала герцогиня. – Вот от кого стоит ждать самых опасных подвохов.

– Несомненно, так оно и есть, – ответил Фрион. – Примером может служить небезызвестный Зопир, друг царя Дария, который пожертвовал своим носом и ушами, чтобы помочь Дарию взять Вавилон. Но он перегнул палку, стремясь доказать свою дружбу. Я прошу вашу светлость не путать меня с этим дурачком, у которого, правда, получилось все, что он задумал. Он действовал во имя дружбы, этот Зопир, а я действую исключительно в интересах Фриона. Ничто так не способствует верности любого человека, как его корыстный интерес. Можете

ли вы, готовы ли вы дать мне достойное вознаграждение за мои услуги? Будьте уверены, вы получите их столько, сколько пожелаете. Если же вы в них не нуждаетесь, то скажите прямо, и я немедленно исчезну. Но, мадам, будьте откровенны, вы нуждаетесь во мне. Я чувствую, что ваше недоверие стремительно тает. Вот сейчас вы задаетесь вопросом: зачем потребовалось Генриху VII внедрять меня в ваше окружение? Вы пытаетесь навредить ему. Он знает об этом, и я не сообщу ему ничего нового. Любые ваши поползновения он смог бы более действенно пресечь не с моей помощью, а с помощью незнакомого вам человека. Заметьте, ваше недоверие ко мне до того сильно, что уже становится смешным. И еще одну вещь я хочу вам сказать, госпожа герцогиня. Вот в данный момент вы думаете, что всё, что я тут наговорил, звучит искренне, но как-то экстравагантно. Вы не понимаете того, что происходит в Лондоне, но вы чувствуете, что что-то там происходит. То, что Брекенбери повстречал и обнадежил королеву, выглядит совершенно абсурдно. Тем не менее, это непреложный факт. То, что один из двух сыновей короля Эдуарда жив, совершенно невозможно. Однако вы хотите понять, почему королева-мать питает эту иллюзию, и почему короля охватывает дрожь при одном упоминании о такой возможности. Всю эту информацию вы получили от меня, а я ничего не придумал, я просто рассказываю и доказываю. В самом деле, мадам, если этому сумасшедшему, стоящему перед вами, протянуть руку и выразить доверие, то от него может быть определенная польза. В противном случае этого предателя ждет веревка или колодец, потому что он абсолютно ни на что не годен.

Маргарита бросила пронизывающий взгляд на спокойное и почти жизнерадостное лицо секретаря. Внезапно она протянула ему руку.

– Оставайтесь со мной, – сказала она. – Вы будете состоять у меня в штате.

Услышав эти слова, Фрион выразил не больше радости, чем до сих пор проявлял опасений. Он отвесил глубокий поклон принцессе и Катрин, пересек комнату и, открыв дверь, вышел на крыльцо.

Столь умный демарш привел Маргариту в состояние крайнего восхищения.

– Необходимо признать, Катрин, – сказала она, продолжая глядеть ему вслед, – ты привела сюда совершенно беспримерного человека. Про него даже не скажешь, что он просто умный. Это прорицатель, вещун. Он видит сокровенное в самой глубине сердца. Я обратила внимание, как он удалился. Любой другой,

кому я разрешила бы удалиться, вернулся бы туда, откуда он пришел в эту комнату, а он показывает мне, что ему больше нет нужды слышать нас, потому что отныне он служит мне и заручился моим словом. Он немедленно вошел в новую роль. Живя среди фламандцев, я не сталкивалась с таким проявлением независимости духа. Знаешь, даже если бы я была уверена, что он коварен, как Иуда, я и тогда не приказала бы повесить его. Я бы не решилась уничтожить это чудесное произведение Творца. Слышишь, ни звука не донеслось с крыльца, – добавила она. – Этот плут полагает, что ему все дозволено.

– Вы не совсем правы, мадам, – сказала Катрин. – Пока вы беседовали с Фрионом, я пришла к выводу, что и бесспорный гений может ошибаться именно из-за того, что он слишком многое предвидит. Вы упорно не желаете видеть, что у этого человека под оболочкой расчетливости скрываются замечательные качества, которые иногда прорываются сквозь ледяную корку, вроде тех водяных цветов, которые я встречала под снегом в наших горах. Этот человек страшный эгоист, но он добр. Он хитер, как лиса, но при этом наивен. Вы наглядно продемонстрировали ему ваше безграничное могущество, но тем самым, как мне кажется, вызвали у него самолюбивое желание обмануть вас. Но вот меня, такую открытую и беззащитную, он никогда бы не обманул. Всё то время, что мы добирались сюда от порта Кале, я не видела от него ничего, кроме знаков почтения и тактичного внимания. И, думая о нем, я уже видела, как он займет важную должность при вашем дворе, и как его способности на службе вашему делу дадут исключительно ценные результаты.

– Все его способности, моя дорогая Катрин, не позволят восстановить то, что утратил род Йорков.

– Но они помогут нам отомстить за эту утрату.

– Возможно!.. Но сладостью мести, дитя мое, невозможно насладиться в твоём возрасте. Сейчас ты нуждаешься не в этом. Тебе необходимы счастье, слава, сияние и блеск, достойные твоей красоты. И еще тебе необходима корона, которая была предназначена тебе, когда ты была еще в колыбели.

Катрин восторгалась, словно ее коснулся крылом дух поэзии и любви.

– Вы не поверите, дорогая крестная, – сказала она. – В течение всего нашего пути по морю эти мысли и мечты не покидали меня. Они плыли со мной в тумане,

раскачивались на мачтах, вздымались на гребнях волн, уносились в водоворотах с хлопьями пены. Несбыточная мечта о спасении одного из сыновей Эдуарда не давала мне покоя. Словно освободившаяся от тела душа, я предавалась воспоминаниям моего детства.

Вы ведь знаете, что мое счастливое детство проходило рядом с моими кузенами. Один из них, Эдуард, был уже совсем большим, когда я еще едва лепетала. Он, как живой, стоит у меня перед глазами, такой печальный и величественный, в своем расшитом золотом бархатном камзоле с рассыпавшимися по плечам красивыми черными волосами. А другого, моего товарища по играм, Ричарда, когда закрываю глаза, я вижу в зеленом шелковом камзоле с серебряными звездами. У него были светлые волосы и голубые глаза. Все называли Ричарда моим мужем, а он называл меня миледи. Ричард Йоркский, вечно смеющийся, такой шумный, вечно целующий в щеку своего старшего брата, чтобы добиться прощения за какую-нибудь неподобающую выходку. О! – воскликнула Катрин, внезапно тяжело вздохнув и заливаясь слезами, – не говорите мне, что они умерли. Один из них, ставший королем, в своем кротком величии был похож на архангела, а другой, мой милый друг, он был, как херувим, излучающий жизнерадостность и веселье. Никогда, дорогая крестная, я не свыкнусь с мыслью, что больше не увижусь с ними. Никто не убедит меня в том, что мы с Ричардом более не встретимся в этом мире. Сейчас говорят о воскрешении одного из них. А вот я верю, что живы они оба. Их убийство было бы слишком отвратительным преступлением, Бог такого не допустил бы. Но если даже они умерли, то разве милосердный и милостивый Бог не может воскресить тех, кого захочет? Я прошу Его об этом каждый день, и вся Англия умоляет Его, стоя на коленях.

Маргарита заключила Катрин в объятия, покрыла поцелуями ее чистый лоб, и даже сама почувствовала себя более свежей, соприкоснувшись с этим бутоном трепещущей молодости.

– Девочка моя дорогая, – сказала она, наконец, – как же я могу не любить тебя до безумия? Вот только быть такой, как ты, я уже не могу. Годы давят на меня, и я уже не в состоянии расправить крылья, потому что растеряла все перья.

– Вы уверены? – прошептала девушка с очаровательной улыбкой.

– А ты сомневаешься?

– Неужели вы растеряли все иллюзии, дорогая крестная? Не могу в это поверить, да и все ваше поведение свидетельствует об обратном. Вы только не сердитесь, пожалуйста, я просто хочу вам сказать, что дух ваш так же молод, как и мой. Вы требуете доказательств? Пожалуйста. Все знают, что во время военных действий, которые якобы вел этот Ламберт Симнел, выдававший себя за герцога Уорвика, вы пожертвовали ваши богатства и послали ваших солдат, надеясь, что победит несбыточная мечта, которая дорога вам, потому что она напоминает о величии Йорков.

Маргарита покраснела. Она хранила молчание, побежденная находчивостью и логикой этой юной девушки.

– И потом, – продолжила Катрин, обняв герцогиню, – неужели вас действительно одурачил этот самозванец? Ведь это не так. Вот видите, вы, как и я, не можете жить без иллюзий.

– Катрин, – серьезным тоном ответила герцогиня, – я всегда готова быть одураченной, когда при мне произносят имя представителя нашего рода, и то же самое, я полагаю, можно сказать о любой настоящей английской женщине. Неважно, живы лишь души принцев или они живы во плоти, главное, что в них воплощены кровь и золото Англии.

Услышав это, девушка сникла. Она инстинктивно ощутила, что ее прямота могла больно задеть какие-то глубоко запрятанные чувства герцогини, что ее детский взгляд не должен был так глубоко проникать в ее душу. Между тем их беседа продолжилась. Они говорили о Фрионе, о Якове IV, о настроениях в Шотландии. Нетрудно догадаться, что теперь Маргарита не делилась с девушкой и половиной своих мнений и планов. Ведь в ее неугомонной голове уже выстраивались новые комбинации.

На следующий день, восстановив силы после волнительных бесед и утомительного путешествия, Маргарита, расположившись в своих покоях, велела позвать Фриона и завела с ним серьезный разговор о последствиях враждебной политики Генриха VII для Шотландии и сторонников Йорков, а также об оппозиции королю вдовствующей королевы. Было решено, что не следует слишком доверять и придавать слишком большое значение появлению на сцене Брекенбери и тому, что он говорит. Но одновременно и герцогиня, и Фрион сочли целесообразным отыскать этого человека и заставить его рассказать все, что он знает, и в любом случае превратить его в сообщника и

свидетеля. При этом Фрион настоял на том, что поиски Брекенбери должны вестись быстро и в обстановке полнейшей секретности с тем, чтобы король Англии ни о чем не догадывался, пока не разразится настоящая буря.

Маргарите хотелось еще раз проверить способности своего нового советника, и она попросила его представить план проведения задуманной операции. Фрион немедленно предложил предпринять следующие шаги:

«На сегодняшний день единственным живым отпрыском рода Йорков является Уорвик, которого держат в Тауэре. В сущности, это несчастный идиот, но его именем уже воспользовался самозванец Симнел, устроивший в Англии целую революцию. Если выкрасть этого молодого человека, сделать так, чтобы его признали все монархи, враждебно настроенные к Генриху VII, поместить его в лоно собственной семьи, имеются в виду вдовствующая королева и Маргарита, найти для него хорошую партию при каком-нибудь европейском дворе, то тогда можно устроить для Генриха VII настоящую гражданскую войну. Все это на такой долгий срок дестабилизирует ситуацию в стране, что для наведения порядка королю не хватит ни терпения, ни сил, ни самой жизни. Таким образом, все, что надо, это вытащить молодого Кларенса из Тауэра, организовать бегство из страны вдовствующей королевы и поместить обоих во владения герцогини во Фландрии. Тем временем Шотландия мобилизует все свои силы и втянет Генриха VII в приграничную войну. Одновременно Фрион, у которого налажены тесные связи с наиболее влиятельными советниками короля Франции Карла VIII, предложит этому монарху вступить в союз с Йорками. К этому союзу удастся привлечь швейцарцев с их деньгами, которым до сих пор не дают покоя бургундцы. Максимилиан Австрийский все время колеблется между Францией и Англией, но он может решиться примкнуть к союзу, если пообещать ему расширение его владений в Нидерландах. Обещание придется выполнить, и герцогиня в таком случае уступит ему свои владения, но взамен она получит всю Англию».

Этот план в полной мере отвечал амбициям Маргариты и позволял отомстить за все нанесенные ей обиды. Но больше всего она восхитилась тем, что Фрион не ограничился избитыми ходами, из-за которых все дело увязло бы в политической грызне и банальных интригах, а развернул перед ней ослепительную перспективу захвата английской короны.

– Мадам, – сказал Фрион, – не буду скрывать, что, предлагая свои услуги, я не имел в виду, что стану помогать вам терзать всякими пустяками короля Англии.

Играть роль мухи, которая вьется вокруг носа льва, это не для меня. Дело кончится тем, что король перестанет воспринимать вас всерьез. Не забывайте, мадам, что вы – принцесса королевской крови, и что в Англии принцессы вступают на престол, когда отсутствуют законные наследники по мужской линии. Подумайте о том, что, даже если вы возведете на престол молодого герцога Кларенса, он все равно будет неспособен править страной. К тому же он совершенно обессилен и надломлен тяжелейшими условиями пятнадцатилетнего заключения. За все это время он только один раз видел солнце, когда Генрих VII приказал провести его, немощного и бледного, по Лондону, чтобы доказать народу, что Симнел самозванец. Поэтому долго Кларенс все равно не проживет. Подумайте и о том, ваша светлость, что вдовствующая королева представляет интерес только потому, что она мать двух зарезанных детей. Из-за слабости, проявленной ею в отношении Ричарда III и Генриха VII, от нее отвернулись даже ее лучшие друзья. Что же остается? Елизавета, жена тирана, но она покорила своему супругу. Она сама стала Ланкастером! Ну и кто же остается из возможных претендентов на трон? Только одна великая принцесса, вдова знаменитого монарха, величайшего воина своего времени. Эта женщина известна и своей гениальностью, и своими добродетелями, и своими страданиями. Эта владычица сумела сохранить могущество благодаря своей мудрой политике и своим богатствам, не говоря уже о заключенных ею союзах. Этой принцессой, мадам, являетесь вы, Маргарита Йоркская. Кем бы вы ни стали, регентшей при несчастном Кларенсе или королевой и преемницей царствования Эдуарда IV, в любом случае трон будет ваш. Вот этот трон! Он сверкает перед моими глазами, словно маяк во время ночной бури. Я не вижу ничего, кроме света этого маяка, и он указывает мне путь. И в заключение скажу вам, мадам, что мои амбиции, о которых вчера я осмелился упомянуть, заключаются в том, чтобы стать министром при великой королеве.

Маргарита, ослепленная и возбужденная, взглянула на Фриона. Все, что она услышала, словно опьянило ее.

– Тогда за дело! – сказала она. – Впервые мои замыслы обрели плоть и конкретную цель!

Было решено, что графиня Катрин возвратится в Шотландию и сообщит королю, что ему будут предоставлены значительные денежные средства, которые герцогиня намеревалась раздобыть у банкиров в Турне. Фриону было поручено сопроводить девушку до Остенде, где ее ожидал корабль, предоставленный

Яковом IV.

По пути решили заехать в Турне тем более, что этот путь был самым коротким. В Турне проживала вдова Уорбека. Осмотрительная Маргарита решила оказаться у нее раньше, чем к ней привезут больного молодого человека, и таким образом доставить ей благую весть и добиться ее расположения и готовности оказывать услуги в борьбе против Генриха VII.

V

Древний город Турне стоит на реке Шельде. Река делит город на две части. Король Франции Карл VII присоединил Турне и его окрестности к своим владениям, но впоследствии был вынужден уступить его герцогу Бургундскому. Через какое-то время граф Мёланский, настоящий бандит, получивший прозвище Оливье Негодяй, умудрился жульническим путем украсть город у бургундцев и передать его королю Людовику XI. Этот монарх надежно хранил свое достояние, поэтому город неизменно оставался французским и в целости достался сыну Людовика Карлу VIII.

Население славного города Турне состояло из фламандцев, бургундцев и французов. Также в городе проживало много евреев. Именно здесь создавалось и прославилось на весь мир огромное богатство Уорбека, владевшего в начале своей карьеры лишь очень скромным состоянием.

Главной достопримечательностью города является древняя каменная стена, в которую встроены сорок пять башен. Глядя на нее, можно подумать, что вы находитесь в Толедо или в какой-то крепости, построенной сарацинами. Если пройти через старый мост, выстроенный за двести лет до описываемых событий, то обязательно попадете в старый квартал с извилистыми темными улицами, дома на которых стоят скорее поперек, чем вдоль. И тут вы обнаружите одно из самых странных сооружений Турне: похожее на улей здание, которому почти столько же лет, сколько и самому городу. Сооружено оно из дерева, кирпича и камня, и со всех сторон у него в соответствии с потребностями владельцев или их вкусами, меняющимися от века к веку, прилеплены пристройки или орнаменты, напоминающие странные отростки, вроде тех, что часто вылезают на столетнем дереве. Каждый архитектурный стиль, характерный для той или

иной эпохи, представлен здесь какой-нибудь деталью или отдельным сооружением. Таким образом, снаружи этого здания можно видеть, как сменяли друг друга стили разных времен, начиная с Констанция, сына императора Константина Великого, до Карла VIII, включая периоды правления Клодиона, короля франков Хильдерика, первого короля Франции Гуго Капета и короля Филиппа Кривого. Какой-то стиль воплотился в стрельчатой форме окна, а какой-то – в наружной лестнице, вьющейся вдоль кирпичной стены и напоминающей узловатые ветки плюща. Наконец, бросаются в глаза две башни, различающиеся по размерам и стилю. Они выглядят, как два отростка, и по наивности архитектора сделаны пустотелыми, чтобы уменьшить нагрузку на поддерживающую их стену. Башни установлены с нарушением всех законов симметрии на южной и восточной сторонах дома и похожи на две гигантские кладовые. Говорят, что таковы были строительные нормы в тринадцатом веке. Облик этих башен навеян архитектурой египетского города Думьята, о чудесах которого Людовик Святой рассказывал своему архитектору. Не приходится сомневаться, что какие-то фламандцы построили эти башни из зависти, скопировав похожие пристройки к королевской резиденции Карла V в бургундском городе Сансе. Знатоки утверждают, что подземная часть этого странного дома, а точнее, хаотического нагромождения разнородных построек, тянется очень далеко и имеет гораздо больше разветвлений, чем его наземная часть, так что мифическое подземное царство Тартар не выдерживает сравнения с этим гигантским подземным лабиринтом. На той стороне дома, которая выходит на набережную Шельды, можно увидеть мощную металлическую решетку. Вся она покрыта трехсотлетней ржавчиной, которая лишь слегка подпортила поверхность металла. Решетка находится на уровне поверхности воды, но чаще всего она полностью затоплена. Никто никогда не видел, чтобы решетка была открыта, но ходят слухи, что через нее в дом попадают сокровища Уорбека, которые без лишнего шума доставляют сюда по Шельде.

В этом доме жила в ожидании сына госпожа Уорбек, рослая саксонская дама, пребывающая в печали, но, тем не менее, сохранившая в свои тридцать шесть лет ослепительную красоту. Если бы внутренняя и внешняя части здания были похожи друг на друга, то печаль бедной покинутой женщины, несомненно, свела бы ее в могилу. Но в той части дома, которая была построена в романском стиле, воздух и солнечный свет проникали в самую середину постройки, а именно в большой квадратный двор с большой террасой, на которую выходили все жилые помещения. В середине двора находились фонтан и огромный цветник. Здесь в полном одиночестве и покое, невидимая для чужих глаз, прогуливалась мать, оплакивающая своего сына. Этот двор служил неприступным убежищем, и

никакой посторонний человек не мог сюда проникнуть. В доме имелись две большие комнаты с низкими потолками, используемые как кабинет и канцелярия, а также обширная прихожая для клиентов. Госпожа Уорбек предпочитала уединение и редко показывалась на людях, потому что знала, что ее сверхъестественная красота вводит в соблазн молодых кавалеров и доводит до отчаяния ее собственного мужа.

Но вот однажды чудесным июньским утром в этот неприступный двор явились слуги нашей саксонки и объявили, что к ней с визитом пожаловала герцогиня Маргарита Бургундская. В этот момент госпожа Уорбек была одета во все черное, и ее прекрасные золотистого цвета волосы были убраны очень строго, как подобает вдовам в валлонской провинции Эно, то есть были полностью закрыты большим обручем, собранным из оловянных пластин.

Услышав это известие, она немедленно прекратила заниматься цветами и, исполненная почтительности, поспешила откинуть сотканный в Брюгге занавес, который отделял двор от помещения прихожей. Но Маргарита уже сама успела приподнять занавес и в сопровождении Катрин ступила в женские покои.

Госпожа Уорбек молча склонилась перед герцогиней. Тем временем паж внес во двор стулья. Герцогиня была поражена, застав хозяйку столь сумрачной и в столь сумрачном одеянии.

– Как же так, – сказала она, – вы были печальны, когда я уезжала от вас, а теперь я вернулась и опять застаю вас в печали... Ну же, ну же, ваш Уорбек, не стоит такого потока слез. Теперь я это точно могу сказать. Вы никогда не были с ним счастливы. Лучше думайте о том, как сохранить красоту для молодых глаз, которые скоро на вас обратятся.

Саксонка восприняла эти слова безразлично и холодно, словно статуя. Казалось, что она не понимает ни комплимента герцогини, ни слов утешения. Эти слова и вправду могли бы показаться странными, если бы в те времена не считалось, что любое слово, произнесенное особой королевской крови, ценится на вес золота.

Катрин удивленно посмотрела на герцогиню, но Маргарита как ни в чем не бывало продолжила:

– Вам, душенька, необходимо встряхнуться. Мы вас любим, мы вас жалеем. Но нам кажется, что вы могли бы и улыбнуться, если речь пойдет о единственном в мире существе, которое, как говорят, вам очень дорого.

– Это Перкен, мой сын, – прошептала саксонка.

– Именно так. Счастлива та женщина, которая, потеряв мужа, все же может обнять своего сына.

– Но я, мадам, – ответила госпожа Уорбек, – не могу обнять моего сына.

– Рано или поздно вы обнимете его.

– Раньше я на это надеялась, а теперь потеряла надежду, – проговорила саксонка таким безжизненным и усталым голосом, в котором было столько отрешенности и отчаяния, что герцогиня запнулась, опасаясь, что внезапно обрушившаяся радость разорвет это слабое сердце.

– А что побуждает вас терять надежду? – продолжила разговор герцогиня. – Этот молодой человек обязательно должен возвратиться.

– Уже три месяца я только и слышу, что он возвращается, мадам. Но ведь не требуется трех месяцев, чтобы сын вернулся в объятия своей матери.

– А ваш сын любит вас?

– Он обожает меня. Во всяком случае, обожал, когда покидал меня.

– Я не вижу причин, по которым что-то могло измениться, госпожа Уорбек.

Саксонка подняла глаза к небу, по ее лицу пробежала тень. Этот жест, этот вздох со всей ясностью означали: «А я вижу!» Герцогиня с невинным выражением лица произнесла:

– Полагаю, что не его отец виновен в том, что любовь к вам исчезла из сердца вашего ребенка.

Услышав это, госпожа Уорбек резко поднялась. Казалось, что после таких простых и обыденных слов она уже не имела сил выслушивать то, что говорила герцогиня.

– Что с вами? – спросила герцогиня. – Что с ней? – едва слышным голосом обратилась она к Катрин, которая неотступно следила за этой женщиной и воспринимала ее красоту, страдание и болезненное возбуждение, как некий захватывающий и наводящий ужас спектакль.

Госпожа Уорбек не смогла совладать со своими чувствами и отвернулась к фонтану, как того требовали правила поведения в присутствии высочайшей особы.

Маргарита тоже поднялась, сделала знак Катрин, чтобы та не обращала внимания на подробности этой сцены, взяла саксонку за руку и увела ее в дальний конец двора, действуя с любезной решительностью, как поступает добросердечная женщина, пытающаяся выведать у подруги ее секрет, или, лучше сказать, причину ее страданий.

– Послушайте, – мягко сказала герцогиня, – давайте разберемся. То, что происходит с вами, это в порядке вещей или это не так? Позвольте заметить, что проявленная вами слабость не к лицу женщине ваших достоинств. И, кроме того, коли вы так тяжело переносите разлуку, то почему вы позволили Уорбеку увезти в такую даль вашего сына?

– Да разве я позволила? – воскликнула саксонка, быстро и недоброжелательно взглянув на герцогиню. – Разве у меня спрашивали разрешение на то, чтобы увезти моего сына?

Сердце Маргариты не отличалось мягкостью, но и ее задел этот крик души, вместивший гнев и боль несчастной женщины. Правда после своих слов госпожа Уорбек покраснела, затем побледнела и теперь кусала губы, явно переживая из-за того, что сказала лишнее.

Замечено, что сильные мира сего весьма ловко умеют покорять сердца людей с помощью различных приемов, наиболее успешным из которых является демонстрация сострадания.

– Бедная женщина! – сказала герцогиня. – Бедная мать! Но почему осмелились причинять вам такие страдания?

Сказано это было очень ласковым тоном со слащавой улыбкой и чарующими жестами. Но уже было поздно проявлять любопытство. Сердце саксонки захлопнулось, а выражение ее лица стало непроницаемым.

– Бог ты мой, мадам, – сказала она. – Ваша светлость слишком добры, проявляя незаслуженный интерес к такой незначительной личности, как я. Поверьте, все, что случилось со мной, не стоит вашего внимания!

– Вы для меня так же дороги, как какая-нибудь королева, душа моя. Именно поэтому я прошу вас оказать мне доверие и объяснить, почему Уорбек разлучил единственного сына с такой матерью, как вы.

У саксонки уже не было сил сопротивляться. Теперь надо было либо лгать, либо признаваться.

Внезапно лицо госпожи Уорвик стало совершенно спокойным. От герцогини не ускользнуло, что теперь оно выражало не истинные чувства, а притворные: искреннее выражение унылой грусти сменилось деланной озабоченностью. Совладав с собой, саксонка заявила:

– Раз вы требуете от меня признания, мадам, то вот вам факты. Я отказывалась отпустить в путешествие моего сына Перкена. Любая мать так поступила бы на моем месте. Но сыну это не пошло на пользу. В ответ на мой отказ господин Уорбек, которому надоело мое сопротивление, рассердился и, не предупредив меня, просто взял и увез нашего сына.

– Не предупредив вас? – холодно осведомилась герцогиня. – Просто взял и увез?

– Да, мадам.

– Среди бела дня, открыто или обманным путем? Будь это днем, вы бы все увидели.

– Ночью, через потайную дверь, которая выходит на Шельду.

Герцогиня подумала и решила, что такой отъезд выглядит очень странно. Она могла бы и дальше продолжать свой допрос, не опасаясь, что нанесет душевную рану хозяйке дома, которая и так сильно увлеклась, пытаясь поглубже спрятать свои секреты. Но Маргарита вовсе не собиралась тут командовать и демонстрировать, что именно она является хозяйкой положения. Все было как раз наоборот. Она нуждалась в госпоже Уорбек и не могла себе позволить потерять ее расположение.

Поэтому она решила сменить тон и заявила безразличным голосом, обнадеживающе взглянув на свою собеседницу:

– Ну что ж, вашу рану можно легко излечить, а врачом буду я сама. Вы огорчены отсутствием Перкена. Но ваше огорчение скоро сменится радостью, потому что он возвращается.

– Он возвращается! – воскликнула саксонка. При этом было заметно, что она пытается подавить в себе радостный порыв.

Затем она добавила:

– Сколько раз уже мне говорили эти слова!

– Да, но говорила их вам не я, – ответила Маргарита с едва заметным высокомерием, которое подействовало на горящую мать сильнее тысячи ласковых слов.

Госпожа Уорбек почувствовала, что за этим высокомерием скрываются искренность и правда.

– Вы точно знаете?.. – пробормотала саксонка, умоляюще сложив руки.

– Больше того, – с улыбкой ответила Маргарита, – я видела его.

– Вы видели моего сына?

– Да.

– Вы видели, что он возвращается?

– Я даже велела поместить его в мою карету.

– Он ранен... или болен? О, да! Если говорят, что он болен, то для матери это означает, что он умер!

– Говорю же вам, что он возвращается, и могу даже с точностью до двух часов назвать время его появления в вашем доме.

– Мадам!.. Ваше сиятельство!..

– Это произойдет сегодня, самое позднее – завтра утром.

– О! – воскликнула саксонка и бросилась целовать руки герцогини.

Маргарита наслаждалась ее восторгом и уже решила, что ей удалось успешно решить поставленную задачу. Но внезапно в прихожей послышался стук в дверь, и раздались громкие голоса.

В прихожую вошел офицер и сообщил, что в город въехал караван, в составе которого находятся люди, хорошо знакомые госпоже Уорбек.

Его слова проникли через занавес. Саксонка бросила на улыбающуюся герцогиню взгляд, полный волнения и надежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

В 1475–1477 гг. у этих городов происходили битвы бургундцев со швейцарцами. Все они закончились победой швейцарцев, причем в битве при Нанси был убит герцог Бургундии Карл Смелый.

Купить: https://tellnovel.com/ru/make_ogyust/belaya-roza

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)